

У КАЖДОГО ИЗ НИХ ЕСТЬ ТАЙНЫ,
КОТОРЫЕ ХРАНИТ ЗАТЕРЯННЫЙ СРЕДИ ЛЕСОВ
ТУМАННЫЙ ГОРОДОК ЭТТОН-КРИК.

ВИКИ ФИЛДС

УМИРАТЬ

НЕ БОЛЬНО

ИСКУПЛЕНИЕ ТЬМОЙ

Искушение Тьмой

Вики Филдс

Умирать не больно

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Филдс В.

Умирать не больно / В. Филдс — «Издательство АСТ»,
2021 — (Искупление Тьмой)

ISBN 978-5-17-138663-4

Маленький городок Эттон-Крик тщательно хранит свои тайны. Кая Айрленд приехала в город, где когда-то жила ее мама, думая, что это ненадолго. Но оказалась тесно связана с этим туманным, затерянным среди лесов городком, где, как и двадцать лет назад, орудует серийный убийца. Что же происходит здесь на самом деле? Почему один из студентов предвидит преступления? Почему жизнь Каи зависит от незнакомой ей девушки по имени Леда Стивенсон? Прошлое переплетается с настоящим, и Кае предстоит разобраться во всей этой странной круговерти.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-138663-4

© Филдс В., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Часть первая	6
Глава I	6
Глава II	20
Глава III	31
Глава IV	47
Глава V	59
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Вики Филдс

Умирать не больно

*Сильны любовь и слава смертных дней, И красота сильна. Но
смерть сильнее.*

Д. Китс

Посвящается моей маме

Художественное оформление – *Екатерина Петрова*

© Филдс В., 2021

© ООО «Издательство «АСТ», 2021

Часть первая

Глава I Первая смерть

Кто-то щелкнул пальцами, и я распахнула глаза. В ту же секунду на меня обрушились вокзальные шумы: рокот голосов, стук колес чемоданов...

Я взглянула на вагон, откуда только что вышла, затем посмотрела по сторонам и вверх. Темно-синий полукруглый навес казался черным, по нему барабанили капли дождя. Я снова растерянно осмотрелась и отступила, освобождая место новым пассажирам. Все куда-то спешили, толкались, опаздывали, встречали семью, знакомых, друзей, и только я не двигалась, застыв молчаливым истуканом.

Так, пора что-то делать.

Я жала висящую на плече сумку и направилась к двустворчатым дверям высотой с три человеческих роста. Выйдя с вокзала, я снова остановилась и осмотрелась. Отчего-то сердце пропустило удар и забилось сильнее, будто я переступила порог новой реальности.

Я напредила себе, что надо что-то делать, и решительно направилась через дорогу к стройному ряду такси. Ботинки то и дело попадали в лужи, в которых отражалось хмурое небо, ветер трепал волосы, собранные в хвост.

Я хоть жива-то? Мысль была странной. Я чувствовала, что существую, что мышцы работают, легкие наполняются холодным воздухом. И все же ощущение было таким, будто я где-то под землей, где-то в вымышленном мире, где костлявые ветви деревьев схватили за горло и душат.

Я буквально подбежала к ближайшему такси. Назвала водителю адрес, запрыгнув на заднее сиденье, нервно жала пальцы на коленях. Вот тут-то беспокойные мысли вновь одолели меня.

Я подумала о маме и о том, почему она ни с того ни с сего, ничего со мной не обсудив, просто собрала мой чемодан, выставила за порог и отправила в этот город. Я покопалась в памяти, припоминая цепь событий, которые привели меня в Эттон-Крик, но странное дело, хоть все и случилось считанные часы назад, воспоминания казались такими далекими.

– Мисс, а кем вы приходитесь Харрингтонам?

Я подняла голову и наткнулась на любопытный взгляд водителя в зеркало заднего вида. Странно, что этот тип знает, к кому я направляюсь, будто Харрингтоны – это какая-то местная знаменитость. Они, говорила мама, ее младшие сводные братья. Не представляю, с какой стати они вдруг решили приютить меня. Я никогда не слышала их имен, не видела фотографий, да и вообще не подозревала об их существовании.

– Никем, – в итоге заключила я, прислонившись лбом к запотевшему стеклу. Ощущая кожей стужу, несвойственную сентябрю, я пристально всматривалась в Эттон-Крик за окном, где все казалось бесцветным, как густой туман: и небольшие кубические многоэтажки, соседствующие с готическими зданиями; и главная площадь Вирхов, через которую мы проехали; и люди в коричневых и желтых дождевиках с черными зонтами; и внушительные здания университета; и небольшие уютные магазинчики и кафе, манящие прохожих.

Время затянулось.

Я засмотрелась на Эттон-Крик из параллельного мира: на его темный цвет, серость и слякоть, на его *непохожесть на другие города*, поэтому не заметила, когда машина остановилась. Водитель объявил, что мы приехали, я расплатилась и, схватив сумку, нехотя выбралась

из уютного салона. Подошвы ботинок во второй раз ступили в вязкую грязь, в нос ударили запахи хвои и дождя.

Особняк Харрингтонов оказался вдвое старше и больше моего дома. Он навис надо мной, поросший плющом, угрожая раздавить. Сквозь высокие кованые ворота виднелась дорожка из гравия. Извиваясь змеей, она вела сквозь траву и кустарник к мраморной лестнице, которая поднималась полукругом к высоким дубовым дверям.

Отчего-то мне стало не по себе, и я обернулась к такси, готовая запрыгнуть назад и приказать, чтобы водитель увез меня за сотни миль от этого места, но машины и след простыл.

Впрочем это был секундный порыв. *Я бы никогда не сбежала.*

Вместо этого я закинула сумку на плечо и подошла к ржавой калитке. Влажные стебли травы хлестали по лодыжкам и коленям, под ногами скрипнул гравий. Я вошла во двор и медленно направилась к двери. Дом, казалось, внимательно следил за мной, зловеще говоря: «*Тебе не уйти, Кая Айрленд*», – и у меня действительно появилось предчувствие, что назад пути нет.

Я прогнала дурные мысли и ступила под изящный полукруглый навес с фонарем, и когда занесла руку, чтобы постучать, дверь внезапно распахнулась. На пороге, суетясь, появился высокий молодой человек с зонтом. Он изумленно вытаращился на меня, пролепетав:

– П-п-привет!

Я стряхнула со лба дождевые капли и уже собралась поздороваться, но в живых глазах мужчины одновременно отразились испуг, понимание и вина, а затем он схватил меня за локоть и втащил в дом. За спиной захлопнулась дверь, отрезав меня от остального мира, сумка с плеча оказалась в руках незнакомца, а на моей голове очутилось белоснежное полотенце, пахнущее порошком и ванилью.

Я догадалась, что это Дориан Харрингтон (старший мамин сводный брат). Он щелкнул выключателем, и прихожая, и без того мрачная, будто старинная фотография, стала мрачнее из-за тусклого света люстры.

Я накрыла полотенцем шею, собираясь представиться и поблагодарить за заботу, но Дориан не дал мне и рта раскрыть:

– Прости! – Явно нервничая, он крепче сжал на своем плече мою сумку, а в другой руке зонтик. – Я действительно виноват, забыл, что ты приезжаешь именно сегодня! Господи ты боже мой, и твои вещи уже в комнате! Ты ведь Кая Айрленд? – поспешно уточнил он на всякий случай, и когда я кивнула, тоже кивнул, продолжая: – Моя смена в морге затянулась, поэтому я проспал, а теперь опаздываю...

Я украдкой бросила взгляд в сторону кухни, которая находилась за лестницей, ведущей вверх. Из-за приоткрытой двери лился яркий свет и доносился приятный аромат свежей выпечки. А еще чувствовался тяжелый запах книг и кардамона.

– Кая.

Я посмотрела на Дориана и отметила, что глаза у него добрые и полны сочувствия. Я поняла, что он ждет какой-нибудь реакции, поэтому сказала:

– Ничего, ты и не должен был меня встречать.

В этот раз я не стала смотреть по сторонам, чтобы он не думал, что я избегаю его взгляда, и молодое лицо как по волшебству разгладилось, нервная морщинка между бровей исчезла, на губах появилась спокойная улыбка. Дориан отставил зонтик к стене и, ненавязчиво взяв меня под локоть, повел в глубь дома.

Дориан Харрингтон работал в городском морге и преподавал медицинскую биологию в университете. Он не выглядел как типичный преподаватель, но и на студента не смахивал. У него были ясный, живой взгляд, модная прическа и легкая щетина, в то же время он обладал своеобразной аурой волевого человека, и это отчетливо ощущалось даже через прикосновение.

– Я ожидал, что ты так ответишь, Кая, – произнес он, – но мне действительно жаль, что тебе пришлось добираться до особняка в одиночестве. Меньше всего мне хотелось, чтобы ты думала, что тебе здесь не рады.

Мы сделали несколько шагов, и, остановившись у лестницы, Дориан выпустил меня. Сквозь старые прямоугольные окна высотой с человеческий рост, закрытые белыми занавесками, проникал серый свет со двора. Голова кружилась, да и от виноватого лица Дориана Харрингтона было не по себе.

Я пояснила:

– Я не думаю, что мне здесь не рады. – И добавила, видя, что мои слова его не убедили: – Не беспокойся. Ты и не должен был меня встречать. Чудный запах. Это корица?

После каждого слова я ненароком смотрела по сторонам, отмечая детали прихожей: позади лестница, слева тумбочка из вишневого дерева, на которой стоял старый телефон, рядом часы с кукушкой. Стрелки показывали пятнадцать тридцать. А казалось, будто раннее утро.

– Почему? – Дориан, пока я осматривалась, смотрел только на меня.

– Почему *что*? – Я с трудом оторвала взгляд от гостиной, куда вела и белоснежная арка и небольшая деревянная лесенка. Громадное окно выходило прямо на задний двор, за которым начинался густой зеленый лес. Дориан коснулся моего локтя, привлекая внимание, и я качнула головой: – Прости. Никогда не была такой рассеянной.

– Почему ты думаешь, что я не должен был тебя встречать? – спросил Дориан, пронизательно глядя на меня. – Поверь мне, Кая, твой приезд – это целое событие. Можно даже сказать праздник. Ной, кстати, испек прекрасное печенье! Хотя он его печет всегда, такое уж у него хобби. Это, имей в виду, не отменяет того, что мы действительно рады твоему переезду в Эттон-Крик...

Я была обескуражена и не знала, что ответить. Позже Дориан поймет, что дело не в нем, не в доме, не в Эттон-Крик и не в том, что я злюсь. Я просто молчу, вот и все. *И разве он не опаздывает на работу?*

– Я опаздываю! – воскликнул он будто в ответ на мои мысли, а затем снова схватил меня за руку и повел в кухню. – Так, еще секунда! Познакомлю тебя с Ноем и тут же испарюсь! Просто не хочу, чтобы он испортил о нас общее впечатление... А он это может, уж поверь мне...

Ной Харрингтон оказался очень высоким парнем ненамного старше меня. Из-за болезненной бледности он выглядел худым и нескладным, с длинными руками и ногами. Растянутая футболка на три размера больше только подчеркивала эту худобу, делая его хрупким на вид. Чудаковатый образ довершали парусиновые шорты синего цвета с крошечными изображениями бананов, две пары шерстяных носков и домашние тапки-собаки.

Когда он обернулся, я увидела, что его узкое лицо и даже кончики светлых волос, отливающих медью, перемазаны в муке. Его руки тоже были испачканы, но это не помешало ему распахнуть объятия, будто в ожидании, что я или Дориан (или мы вдвоем) бросимся навстречу. Когда мы не сдвинулись с места, Ной не огорчился, улыбнувшись мне:

– Привет-привет, солнышко!

– Привет.

Судя по тому, как парень поменялся в лице, Дориан за моей спиной сделал младшему брату знак вести себя сдержаннее. Кашлянув, Ной облокотился на столешницу и с вежливым любопытством осведомился:

– Плохое настроение? – Я не ответила, и на его щеках появились ямочки. – Ты, наверное, ненавидишь всех вокруг, потому что пришлось переехать в этот адски дряхлый дом, быть запертой здесь как в... – Он резко замолчал, глянув за мое плечо. Мне очень хотелось обер-

нуться и посмотреть, что там делает Дориан. – Э-э... ладно. В общем, приятно тебе провести время.

Ной вернулся к своим делам, а я еще несколько секунд ошеломленно смотрела ему в спину и только потом вышла в коридор. Дориан последовал за мной, злобное выражение его лица сменилось на заботливое.

– Теперь понимаешь, о чем я, да? Этот парень с приветом. Абсолютно чокнутый.

– Ничего, – сказала я, останавливаясь у лестницы. Над нами мигнул верхний свет. – Не покажешь, где моя комната?

– О да, конечно. Это наверху, идем. Будь осторожна, здесь высокие ступени.

– Спасибо.

Когда мы поднимались на второй этаж, я заметила на стенах картины и снова подумала о маме. Полотна были уродливыми, так что ей бы точно пришлось по душе.

– Не обращай на него внимания, – мягко попросил Дориан, кинув на меня взгляд через плечо. – Я всегда так делаю, когда Ной начинает молотить чушь. Просто пропускай мимо ушей. Я поговорю с ним.

Я бы сказала, что не стоит этого делать, но решила, что Дориан станет меня переубеждать и наступит новая тяжелая пауза. Рассудив, что надо быть милее, раз он так добр ко мне, я прочистила горло и сказала:

– Спасибо... что проводил.

– Не за что, Кая, я тебя прекрасно понимаю и могу представить, как тебе сложно. Я сам... – Дориан смешался, но тут же воодушевленно продолжил: – И к Ною ты привыкнешь. Он кажется чуточку странным, но на самом деле не доставит тебе проблем...

Я согласно кивала, стараясь высоко поднимать ноги, чтобы не споткнуться.

На втором этаже Дориан и я остановились у одной из дверей.

– Надеюсь, тебе здесь понравится... Перед твоим приездом я прогнал всех клопов и... Я шучу, Кая, здесь не было клопов. А даже если бы были, думаю, увидев твой смертоносный взгляд, они разбежались бы во все стороны, – добавил он тихо, открывая дверь.

Я переступила с ноги на ногу и удивленно открыла рот, потому что та комната, которую Дориан показывал, была *моей* комнатой. Точнее, она была *почти* такой же, как дома: белоснежный потолок, серебристые обои на стенах, огромная кровать с фиолетовым покрывалом у окна. Мои вещи были заперты в чемодане, стоящем у письменного стола.

– Мы знали: в первые дни будет сложно, поэтому Ной решил, что *это* тебе как-то поможет.

– Не знаю, что сказать. Спасибо.

– Для начала достаточно и этого, Кая. – Дориан улыбнулся. Я отметила, что улыбка не была веселой, а скорее сочувственной. Во взгляде читалось: *мне жаль, что все случилось именно так*. – Ну, все, – сказал он, решительно снимая с плеча мою сумку и вручая мне. – Ни о чем больше не думай. Кстати, ужин в семь.

Я кивнула, вошла в свою – не свою комнату и заперла дверь. Несколько секунд смотрела в пустоту, затем приоткрыла дверь и подошла к кровати. Окинула ее взглядом. *Очень странно*. Это моя кровать. В моей комнате стоит точно такая же: из вишневого дерева, с резной спинкой и *этим* покрывалом. До того, как уехать в Хейденский университет, я спала в *этой* кровати. И когда возвращалась домой, мама готовила ужин, а я забиралась под *это* покрывало и понимала, что наконец-то дома.

Я посмотрела в окно и увидела вместо привычной светлой улицы лес. Сумка упала к ногам, когда пальцы безвольно разжались.

Это больше не моя комната. Больше не мой дом.

* * *

С наступлением темноты мне пришлось спуститься вниз и встретиться лицом к лицу с новой реальностью. Дориан был мил; он сменил темно-серый костюм-тройку на домашние джинсы и свитер и даже побрился. Ной остался в своих ужасных шортах, носках и тапках-собаках. Я видела его худые ключицы сквозь растянутую футболку, а он видел мои сквозь темно-синюю блузку, подаренную мамой на прошлый день рождения, и нещадно пялился на мои плечи, даже когда я несколько раз демонстративно кашлянула.

Когда я только вошла в столовую, где был настолько тусклый свет, что у меня сразу же устали глаза, Ной оценил меня беглым взглядом и сказал:

– Приделась для ужина?

– О чем ты?

Дориан нервно посмотрел на брата, но мы с Ноем глядели исключительно друг на друга. Игра в гляделки длилась до тех пор, пока Ной не отмер и не улыбнулся одними губами. Когда он взял мою тарелку и, накладывая жареного цыпленка, вежливо ответил, что речь идет о моей одежде, я поняла, что младший Харрингтон так легко не сдается.

– А что с ней? – спросила я, принимая блюдо и притворяясь, что с аппетитом отламываю кусочек хлеба. На самом деле аппетит, который только-только начал просыпаться, пропал.

– Мне казалось, что твой стиль заключается в растянутых свитерах, штанах и кожаных куртках.

– По крайней мере у меня есть вкус к носкам. Так кем вы все-таки приходитеесь моей матери? Почему я никогда о вас не слышала?

Ной с Дорианом переглянулись, и я, заметив это, нахмурилась.

– Почему ты никогда не слышала о нас? – переспросил Дориан, делая огромный глоток воды, чтобы оттянуть время и не отвечать на мой вопрос. Он косо глянул на младшего брата, и тот незамедлительно пришел на помощь:

– Наши семьи не общались уже лет сто.

– Тогда почему вы предложили мне жить в вашем доме?

– Ну... это была идея Ноя. – Дориан закашлялся и положил руку на горло. Я взяла графин с водой, вновь наполнила его стакан и подождала, пока он напьется. – Это не я придумал, а Ной. Он предложил твоей матери, чтобы ты осталась в Эттон-Крик у нас, и она не смогла отказаться.

Эта новость меня удивила, и я посмотрела на Ноя. В качестве подтверждения он рассеянно кивнул, занятый вишневым вареньем. Я отвернулась, не желая видеть, как на столешницу сыпятся крошки.

Несколько минут прошли в полной тишине. Ной был занят печеньем, Дориан и я отдали предпочтение салату и мясу, приготовленному на пару. Когда Ной предложил всем выпить чаю, я вновь полюбопытствовала, почему все-таки наши семьи не общались.

Хозяева дома уже во второй раз странно переглянулись.

– Это загадка, – наконец выдал Ной с серьезным видом. Мы с Дорианом одинаково уставились на него. Я повторила:

– Загадка.

– Да, загадка, – отозвался он эхом, а затем взглянул на брата: – Кстати, как твоя компания?

– Оставь меня в покое, Ной. Лучше займись своими котлетами.

– Я же говорил: скоро кое-кто другой будет готовить тебе котлеты.

– Прекрати.

– И все же, – перебила я. – Неужели вы совсем ничего не знаете?

– Схожу на кухню, поставлю чайник, – сказал Дориан, вскакивая. Когда он исчез за дверью, Ной улыбнулся и спросил:

– Хочешь добавки?

– Нет.

Меня одолевали мрачные мысли, хотелось уединиться в своей новой комнате и подождать, когда этот длинный день закончится. Мне казалось, Ной нарочно меня дразнит, казалось, несмотря на предложение пожить у них, он не особо доволен моим присутствием.

– *Ты права*, – бросил он в тишину.

– Что? – Я на мгновение застыла, но тут же одернула себя: *он не может читать мысли*.

– Я сказал, ты права, не стоит переедать. Иначе всю ночь кошмары будут сниться. Держи. – Он подвинул ко мне плетеную корзинку, улыбнувшись, в то время как у меня мурашки поползли по спине. – Хлебушек с тмином. Я сам испек.

* * *

Лишь начало сентября, а погода в Эттон-Крик оставляет желать лучшего: небо серое, словно сталь, а на его фоне – тонкие переплетенные ветви деревьев. Мир словно разделился на две части: сверху все было покрыто рваными хлопьями тумана, ближе к земле была хорошая видимость. Мы едва выехали из Коридора Страха, как Дориан остановил машину у супермаркета и сказал, что сейчас вернется. Я кивнула, откинувшись на подголовник и прикрыв веки.

День начался плохо. Я проспала и пропустила пробежку. Когда утром открыла глаза и увидела знакомое покрывало, лишь на одну долю секунды подумала, что произошедшее вчера – сон, а потом услышала многозначительное покашливание и резко села, откидывая с лица спутавшиеся волосы.

– Привет, солнышко, – улыбнулся Ной. – Как спалось?

Вид его вытянутой фигуры в растянутом свитере с V-образным вырезом в серых спортивных штанах мгновенно привел меня в чувство.

– Что ты здесь делаешь?

Ной кивнул в сторону, и я проследила за ним взглядом. На приземистом столике посреди комнаты стоял поднос, а на нем – стакан с апельсиновым соком, торт, пирожные, крендельки.

– Что это?

– Почему дверь в твою комнату открыта?

Мы словно играли в игру «кто больше вопросов задаст». Я не собиралась отвечать на них, сказав вместо этого:

– Ты принес завтрак? Очень мило.

– У тебя татуировка.

Я прижала одеяло к груди, даже не задумавшись над тем, каким образом Ной смог увидеть мою татуировку. Даже не мысль, что он мог рассматривать меня во сне, заставила меня вспыхнуть от гнева, а то, что он ее увидел (или притворился, что увидел).

Стараясь не выдать раздражения, я встала и принялась заправлять постель, каждой клеточкой тела чувствуя пронизывающий взгляд голубых глаз-льдинок. Даже если бы Ной не стоял позади, я бы все равно ощущала его рядом, потому что его запахом пропитался дом. *Потому что он увидел то, что не видел никто*.

– Что она означает?

Я резко обернулась.

– Не твоё дело!

– Ладно. – Ной равнодушно пожал плечами, и когда ткань футболки соскользнула вниз, он тут же снова натянул ее, пристально глядя мне в глаза. Значит *свое* тело он прячет. – Я лишь принес тебе завтрак. Не сердись, Кая.

– Я не сержусь, – ответила я, напрягаясь. – И никто в своем уме не станет завтракать тортом.

– Просто позавтракай, – настаивал он.

– Я съем что-нибудь в университете.

– Ты имеешь что-то против шоколадного торта с шоколадной начинкой, политого шоколадом и присыпанного шоколадной крошкой?

– Утром – да.

Разговор не клеился, хоть я и планировала наладить отношения с обитателями дома. Я почувствовала боль в пальцах от напряжения и разжала кулаки, затем попыталась сказать предложение длиннее трех слов:

– Я не ем утром сладости. *Вообще не люблю их.* Меня будет тошнить весь день, если сейчас набью желудок шоколадом. И у меня аллергия на орехи, – добавила я, кивнув на булочку с миндалем.

– Я знаю, это для меня. Думал, мы позавтракаем вместе.

Что? С чего он взял?

– Мило. Э-э... Если хочешь, можем позавтракать в другой раз. Я должна собираться в университет. Дориан сказал, что отвезет меня сегодня.

– Это всего лишь завтрак, Кая. Кроме той татуировки тебе ведь нечего скрывать?

Я не отреагировала, продолжая молча смотреть на Ноя до тех пор, пока он не сдался и со смешком не вышел из комнаты. Мне не хотелось с ним говорить ни о татуировке, ни о чем-либо другом. Ной без спроса приоткрыл дверь в мою душу и даже не смутился, и мне казалось, что, несмотря на мои резкие ответы, он удовлетворил свое любопытство.

Дверь с водительской стороны резко распахнулась, затем на сиденье вместе с запахом дождя втиснулся Дориан. Он кинул на меня многозначительный взгляд, протягивая тост и стаканчик с зеленым чаем:

– Уверен, ты не завтракала.

– Ты абсолютно прав, спасибо.

– И я не завтракал. – Дориан откусил огромный кусок от своего круассана и запил глотком кофе, наблюдая за людьми через ветровое стекло.

Уверена, моя дверь была не первой, куда заглянул Ной со своим тортом.

Я посмотрела на часы на запястье и спросила:

– Мы не опоздаем?

Дориан с невозмутимым видом наблюдал за компанией школьников, выходящих из музыкального магазина. Несмотря на дурную погоду, они смеялись и чувствовали себя прекрасно, пробираясь сквозь липкий туман к автобусной остановке.

– Нет, не опоздаем. Без профессора-то веселье не начнется. И я жутко голоден. Ной налил в мой утренний кофе молоко. Не специально, конечно, ты не подумай. У парня иногда бывают чудные... э-э... провалы в памяти. Да... Проблемы с запоминанием обычных вещей. Кстати, не забудь зайти на патанатомию. Сегодня ты должна присутствовать при вскрытии, ведь ты пропустила пару дней...

Замолчав, Дориан сунул стаканчик из-под кофе в пакет, где раньше находился круассан, затем кинул его к ногам и осторожно выехал на дорогу, держа руль обеими руками. Он с воодушевлением стал рассказывать о проектах для первого курса, и неприятный осадок из-за того, что Ной видел мою татуировку (что невозможно, если только он не наблюдал меня в нижнем белье) рассеялся.

Когда мы въехали на территорию университета, я поразились его величию и мрачности. Однако больше стародавнего готического собора со множеством башенок и шпилей меня интересовал Первый медицинский павильон – кубическое здание, окруженное аккуратно подстри-

женными кустами. Оно было в точности таким же, как на фотографиях из интернета. Слева от окон вертикально к стене крепились зеленые буквы: «Медицинский павильон I».

– Многие профессора и студенты живут прямо здесь, в общежитиях, – сказал Дориан, пока машина тащила по дороге к профессорской парковке слева от Главного корпуса.

Когда он въехал на стоянку, мы вышли из машины. Реальность стремительно наполнилась шумами: смехом и разговорами, звуком шагов и еле слышной симфонией дождевых капель, ударяющихся об асфальт. Я поежилась и обернулась к Дориану:

– Куда теперь, профессор Харрингтон?

Он намотал на шею клетчатый шарф, закинул на плечо сумку и улыбнулся:

– Мне нравится, когда меня так называют.

– Поэтому стал преподавать?

Рука об руку мы направились к Первому медицинскому павильону. Дориан просиял:

– Ну, поэтому, и еще потому, что тут много красивых студенток...

Я не успела ответить, потому что кто-то неожиданно толкнул меня в плечо и промчался мимо. Я поскользнулась, но Дориан придержал меня до того, как я потеряла равновесие и шлепнулась на влажный асфальт. Девушка, совершающая пробежку, не извинилась и даже не обернулась. Выпрямившись и потирая предплечье, я с сарказмом уточнила:

– Значит, такие вот студентки?

– Прости, Кая, это просто ревность. Не обращай внимания.

Я не знала, шутит он или нет, поэтому не улыбнулась. К концу дня стало очевидно, что Дориан вовсе не шутил.

* * *

На лекции профессора Харрингтона на меня все пялились. Возможно, мне так показалось из-за разыгравшегося воображения, но, по-моему, внимание студентов мы с Дорианом поделили пополам. После лекции пришлось спрятаться в туалете. Я стояла у зеркала и приказывала себе не быть размазней. Мой отец не одобрил бы этого. И мама тоже.

Я умылась, пригладила хвост, затянутый высоко на макушке, сделала глубокий вдох.

Я все еще я. Ничто этого не изменит.

Я достала из сумки жидкость для дезинфекции рук, протерла ладони и спрятала назад. Затем принялась тщательно вытирать каждый палец салфеткой, говоря себе, что не стану скрываться в туалете, как какая-то обычная девчонка, которая боится трудностей. Едва эта мысль пронеслась в моей голове, как дверь с силой распахнулась и с грохотом отскочила от стены. Послышались смех и слабое повизгивание.

Краем глаза я заметила в отражении трех высоких девушек, которые тащили по полу четвертую, похожую на беззащитного цыпленка. У нее были светлые короткие волосы и пунцовое лицо. Длинная черная юбка задралась, обнажая худые ноги в теплых колготах, свитер грубой вязки поднялся до груди, открыв белый живот и проступившие под кожей ребра.

– Еще раз ты выкинешь нечто подобное, Леда! Еще раз!..

Если бы волосы Леды были длиннее, та девушка, которая тащила ее за шкуру, точно намотала бы их на кулак и с удовольствием потянула на себя. Я удивилась, заметив, что их жертва, вместо того чтобы вырваться, тихо поскуливала. Наверное, ее жалкий вид и спровоцировал этих хищниц, решила я, швырнув использованную салфетку в мусорное ведро. Когда я стянула с тумбы, где была установлена керамическая раковина, свою сумку, одна из тетрадей выпала и со звенящим шлепком коснулась влажного кафельного пола.

Ну все, – обреченно подумала я, наклоняясь, чтобы поднять тетрадь, и сквозь собственное сердцебиение услышала:

– Давайте просто бросим ее!

Тук-тук-тук. В поле моего зрения появился военный ботинок. Металлический носок, которым так удобно оставлять на теле девушки-цыпленка кровавые отметины, многозначительно придавил обложку моей тетради, поэтому я медленно выпрямилась.

Когда мы схлестнулись взглядами, владелица опасных ботинок близоруко прищурилась:

– Эй! Я видела тебя где-то!

– Меня зовут Кая Айрленд, – ответила я спокойным голосом. – Ты толкнула меня сегодня утром на профессорской парковке.

Будь это вчера, я бы и не вспомнила ее, но это случилось пару часов назад.

Она была красивой, с тонкими чертами лица и большими глазами, в темных джинсах, черной футболке и косухе. Из нагрудного кармана торчал пропуск в химический кабинет, и я разобрала только первую букву ее имени, а затем перевела взгляд на лицо и успела заметить, как высоко взлетели искусно выщипанные брови, украшенные пирсингом. Как будто она действительно меня забыла. Но по глазам я видела: *она меня помнит, потому и подошла.*

– Точно! – Она притворилась, будто только что вспомнила меня, и обернулась к подруге, которая как раз занесла кулак, чтобы опустить его на грудь девушки-цыпленка. – Майя, это она приехала утром с Дорианом.

Я не смогла сдержаться усмешки, стоило представить, как отреагировал бы Дориан, услышав, что любимые студенточки зовут его по имени. Девушка с пирсингом надменно осведомилась:

– Что смешного?

Ее карие глаза впились в меня настороженно, и я предупредила:

– Понимаю, вам нужны проблемы, только зачем?

Компания взорвалась смехом, и даже Майя отвлеклась от жертвы и выпрямилась.

– Мне кажется, проблемы будут у тебя, – сказала она с нажимом, но я уже не слушала. Я уставилась на девушку-цыпленка, вопросительно вскинув брови. Почему она не убегает, пока Майя отвлеклась? Не уходит домой? Почему сидит и смотрит на меня так, словно пытается вспомнить? Или так, словно я сумасшедшая?

– А? – Вздвигнув, я оторвала от нее взгляд, потому что взбешенная Майя вдруг направилась ко мне. Я поспешно сказала: – Не стоит. Прежде чем ты решишь причинить мне вред, я должна предупредить, что у меня есть кое-какие навыки.

– Какие еще навыки?

Я уставилась на их жертву, съезжившуюся на полу, мысленно уговаривая ее уйти.

Почему ты не уходишь? Путь свободен, на тебя никто не смотрит. Даже если решишь станцевать и спеть, на тебя никто не обратит внимания. Сейчас они переключились на меня.

Я вдруг замерла – это незнакомка на полу мысленно просила помочь ей выбраться из сложной ситуации, умоляла бросить спасательный круг. А потом вселенная завертелась – это меня ударили.

Только на секунду я растерялась, потому что не ожидала ничего подобного, но затем ударила в ответ, больно и жестоко. Кулак впечатался в скулу фанатки Дориана, затем я еще раз врезала под дых. Она взвизгнула, плюхнувшись на зад.

Ко мне уже подлетели ее приятельницы, щедро рассыпаясь в матерных комплиментах. Сжав в кулаке сумку, я обрушила ее на голову Майи. Она вскрикнула, навалившись на меня, и я схватила ее поперек туловища, пытаясь отодрать от себя.

Вторая девушка пристроилась с боку и даже ударила меня по спине, но я больше не чувствовала боли. Меня опалила такая жгучая ярость, что на мгновение перед глазами поплыли черные круги, будто я надолго зажмурилась. А может, действительно зажмурилась: левый глаз пульсировал, налившись кровью.

Кулаки болели, хотя всерьез я не дралась. И тут я безошибочно разобрала сквозь звуки борьбы специфический щелчок ножа с выскакивающим лезвием. Я похолодела и сосредоточи-

лась. Майя резанула воздух у моего лица, но я вовремя отклонилась в сторону и схватила ее за запястье. Нож выпал. У него было совсем небольшое лезвие, которым, однако, очень легко перерезать горло. Подруга Майи не растерялась, увидев нож, и уже потянулась к нему, чтобы схватить, но я толкнула ее ботинком под зад. Она отлетела к стене, чертыхаясь, а я тем временем вырвала у Майи из шлевков короткого пальто потрепанный пояс и связала ее руки. *Надеюсь, ей больно.* Затем я схватила ее подругу, потирающую левую ягодицу, и проделала с ней то же самое, хоть она визжала, и брыкалась, и даже попыталась меня укусить. Связав их вместе морским узлом и пихнув в угол, я с колотящимся сердцем обернулась и увидела, что девушка-пирсинг стоит напротив, а в ее руке, направленной в мою сторону, нож.

– Ты же не серьезно? – спросила я, а затем резким движением выбила оружие. Девушка не то удивленно, не то испуганно вскрикнула. Ее запястье было слабым и хрупким, с выступающей косточкой. Она совсем не была готова к подобному маневру, к тому же, судя по шрамам на коже, у нее уже не раз была сломана рука.

Девушка с пирсингом бросилась на меня, не сдаваясь, и я снова врезала ей в лицо кулаком, а затем ударила в коленную чашечку. Вскрикнув, она упала и уже не успела подняться – я наступила ботинком на ее волосы.

Переведя дыхание, я уперлась ладонями в колени. Изучив ее бледное лицо с пунцовыми щеками, шею с татуировкой «Вместе навсегда» на латыни, я вытянула из ее нагрудного кармана пропуск в химический кабинет и прочитала имя. Затем вернула на место.

– Было приятно познакомиться с тобой, Кира Джеймис-Ллойд. И если ты еще раз попытаешься ко мне прикоснуться, я выскребу твою татуировку скальпелем.

Конечно, я блефовала, но угроза произвела впечатление на всех присутствующих, в том числе на девушку-цыпленка. Когда я выпрямилась, мы столкнулись взглядами. В ее глазах читался ужас, а в моих, должно быть, появилось сомнение: скорее всего, зря я помогла ей сегодня. Сосредоточившись на том, чтобы поскорее убраться из туалета, я не заметила, что кое-кто следил за мной. *Не в первый раз.*

* * *

Мадам Чонг была одинокой женщиной, которая в свои сорок девять так и не вышла замуж и не завела детей. Поэтому, когда вечером у нее захлопнулась дверь сарая на заднем дворе, ей не оставалось другого выхода, кроме как отправиться за помощью к соседям – Майе и ее отцу Ричарду.

Снимая по пути рабочие перчатки, мадам Чонг вошла во двор Кингов и поднялась по лестнице, репетируя, как лучше попросить этого пьянчугу Ричарда отпереть сарай. В тот момент, когда мадам Чонг ступила на последнюю ступеньку и занесла руку, чтобы постучать, дверь дома неожиданно распахнулась, и ее ослепил яркий свет фонарика, а затем некто сбил ее с ног и бросился вниз по лестнице. Женщина возмущенно уставилась вслед мужской фигуре, затем вспомнила, почему оказалась на земле и что она забыла во дворе Кингов, и, поднявшись на ноги, подошла к порогу.

– Ричард?

Она решила, что беглец – один из его дружков. *Они часто устраивают тут оргии. Бог знает чем занимаются!..*

– Майя?!

Мадам Чонг уже почувствовала неладное, хоть и не сразу поняла, в чем дело. Никто не отозвался на ее зов, и даже больше: вокруг воцарилась мертвая тишина, да такая страшная, что мадам Чонг ощутила себя в опасности. Она взяла мобильный телефон из кармана рабочих штанов и включила фонарик. Пробираясь вглубь старенького дома Кингов, она с напряжением ожидала, что на нее кто-нибудь набросится, но никто не набрасывался.

– Майя? Ричард?!

Куда они запропастились?!

Мадам Чонг покрутила головой, морщась от дурного запаха. Она была уверена, что находится в прокуренной комнате со стенами, пропитанными перегаром, губительно для здоровья.

Она сделала еще один осторожный шаг вперед, прикрыв рот и нос рукавом шерстяной кофты, и вдруг едва не упала, поскользнувшись. Завернув в черный коридор, мадам Чонг увидела кровавые следы на полу, блеснувшие в свете фонарика.

Она на мгновение остолбенела.

Что это такое?

Откуда здесь столько крови?

Плотно прижав к лицу ладонь, мадам Чонг быстро пошла по следу, который привел ее в ванную комнату.

Ей было страшно входить внутрь, но она щелкнула выключателем и, увидев багряную лужицу, вытекающей из-под двери, взяла себя в руки и вошла.

Стены. Пол. Ванная. Полотенца. Все, что мадам Чонг могла увидеть, было разрисовано кровью. На потолке расплзлись алые разводы, стены дышали кровью.

Мадам Чонг завизжала, попятившись и выронив телефон из ослабевших рук.

Она бы хотела ослепнуть, только бы не видеть Ричарда в ванной, разрубленного на куски: голова, руки и ноги были отделены от туловища, кровь лениво просачивалась в водопровод. На полу у окна лежало еще одно тело, зловеще завернутое в шторку для душа. Неужели это Майя? Девочка, которая помогала мадам Чонг печь пироги по воскресеньям и ухаживать за бонсаем?

Прокатившийся по улице вопль ужаса еще долго не прекращался.

* * *

– Полиция разыскивает мужчину от двадцати до сорока...

– Ты не против, если я это выключу? – выразительным тоном спросил Дориан и тут же схватил пульт и щелкнул на кнопку.

Когда я вернулась с занятий, профессор уже сидел в гостиной на полу, а на журнальном столе в беспорядке валялись заметки для будущих лекций.

– Я готовлю темы проектов, – рассеянно пояснил он, а затем попросил присоединиться и помочь.

Во время работы он задал мне стандартные вопросы: как прошел первый день, какие впечатления от других преподавателей, завела ли я друзей. Я говорила, что все хорошо, но не уверена, что Дориан поверил. Впрочем, он не подал виду, что в курсе случившегося в женском туалете.

– А почему ты так поздно? – спросил он таким тоном, будто мой ответ его совсем не интересовал, и я замялась на секунду, прежде чем ответить:

– Были кое-какие дела. А где Ной?

– Он на кухне, – ответил Дориан, а затем мы сорок минут молчали, только изредка перекидываясь парой слов о работе.

Когда стрелки на часах показывали восемь, я размяла плечи и вдруг услышала за спиной шаги.

– Как прошел день?

Я обернулась и увидела Ноя с подносом. Тут же вспомнилось обещание «позавтракать в другой раз».

– День прошел продуктивно, – отозвался Дориан задумчивым голосом, не отрывая взгляда от лекционного журнала.

– Я спрашивал не у тебя. – Ной поставил поднос на столик передо мной, а затем выпрямился, ожидая чего-то.

Очнувшись, я ответила:

– Хорошо. Была в морге.

– Ты больше не злишься? – уточнил он, приближаясь и падая на подлокотник кресла, в котором я сидела. Я неловко поерзала, отодвигаясь, и как раз вовремя, потому что Ной скатился вниз, придавив меня бедром.

Я поднялась.

– Нет, не злюсь.

– Так, – оборвал Дориан решительно, – я наверх. Кая, спасибо за помощь.

– Не за что.

Когда он ушел, Ной похлопал по креслу ладонью.

– Сядь и поешь. – У меня побежали мурашки от того, каким сладким стал его голос. – Я знаю, что ты хочешь, ты же целый день ничего не ела.

Прочистив горло, я присела на пол, скрестив ноги, и Ной придвинул поднос ближе ко мне. Я почувствовала пряный аромат кориандра, исходящий от его рук и одежды, и подняла голову. Ной просиял, невинно захлопав ресницами:

– Давай, солнышко, этот омлет придется тебе по вкусу. Там нет ни грамма сахара.

Ну почему он не оставит меня в покое?

– Спасибо, – сказала я, наклоняясь к столу, и почувствовала, что Ной тоже наклонился, следя за моей реакцией. Мое сердце забилось, так хотелось одернуть его, попросить перестать, но вместо этого я спокойно отправила в рот кусочек омлета и тут же скривилась.

– Он пересолен! – Я схватила с подноса стакан воды и залпом осушила его, услышав позади вежливое пояснение:

– Как я и обещал: несладкий.

Я смерила Ноя, его растянутую футболку и спортивные штаны уничтожающим взглядом, затем поводила языком во рту, пытаясь избавиться от дурного привкуса. Отодвинув поднос, дотянулась до пульта и включила телевизор, чтобы выстроить между нами с Ноем шумовую стену. Он как будто знал, чего я добиваюсь, поэтому следил за каждым моим движением.

Я попала на канале новостей, на экране мелькнуло знакомое лицо.

– Майя Кинг, двадцатидвухлетняя студентка университета Эттон-Крик, была убита сегодня вечером в своем доме. Мы разыскиваем мужчину, кот...

Я выключила телевизор и уставилась на черный экран.

Гостиная погрузилась в тишину, но в ушах я все еще слышала слова диктора: «*Майя Кинг*».

Это ведь та самая Майя из университета. Майя, приказавшая подружкам избить меня. Майя, мучившая девушку-цыпленка.

Теперь она убита? В собственном доме?

Я почувствовала, как на лбу выступил пот, пол закачался. В висках снова пульсировала боль.

Я говорила с Майей утром. Сегодня. Как это возможно?

– Кая? – Ной осторожно взял пульт из моих рук и наклонился вперед. Я увидела его встревоженное бледное лицо, нос защекотали ароматы пряностей от его тела. – Что случилось?

– Я знала эту девушку, – сказала я чужим голосом.

– Какую девушку?

– Мы с ней немного повздорили в университете... – Я прокручивала в голове каждую деталь сегодняшней драки. То, что я сказала. Как угрожала. *Что именно я говорила?*

Я сосредоточила взгляд на Ное. Его глаза поразительного голубого цвета внимательно смотрели в ответ.

– Ты ведь не думаешь, что это я? – Мой голос дрожал. Он качал головой из стороны в сторону с таким видом, будто не понимал, о чем идет речь.

Я неуклюже поднялась на ноги и схватила свои вещи. Ной тоже поднялся.

– Что ты делаешь?

Было похоже, будто он думает, что я не в себе. *Но я в порядке.*

– Иду в свою комнату.

Я на ватных ногах двинулась из гостиной в коридор.

В Эттон-Крик убийца? Это невозможно. Только не тогда, когда я приехала, не в первый день, когда мы с Майей... Я уже и думать о ней забыла после всего, что сегодня случилось. Она – просто эпизод, который тут же стерся из памяти.

А теперь Майя Кинг мертва.

* * *

Ной Харрингтон как раз перебирал ягоды смородины для десерта, когда к нему бесшумно подкрался Дориан и остановился за спиной. И вчера и сегодня молодой человек был исключительно нервным, и все из-за переезда Каи Айрленд в Эттон-Крик.

– Что ты опять готовишь? – спросил он без особого любопытства. Ной был сосредоточен на ягодах и даже не обернулся.

– Если ты голоден...

– Нет, – перебил Дориан, потирая легкую щетину на подбородке. С приближением вечера он нервничал все сильнее, особенно после того, как услышал, что была убита семья Кингов.

Ной закинул ягоду в рот и наконец обернулся.

– Ты что-то хотел? Я тут вообще-то...

– Я хочу скорее во всем разобраться, – опять оборвал Дориан. Его широко открытые глаза выдавали нервное возбуждение.

– Ничем не могу помочь. Видел новости о Кингах? – Ной прошел к раковине, вымыл руки от липкого сока, затем вернулся к столу и принялся раскатывать тесто для пирога. Дориан, будто тоскливая башня, нависал над ним, не двигаясь с места. Он взъерошил пятерней темные волосы, и те встали дыбом.

– Да. Я позвонил Аспену.

– Ты знаешь, что его ищет полиция?

– Не найдет.

Ной пожал плечами, продолжая раскатывать тесто, пока оно не превратилось в тонкий блин. На кухне повисло молчание. Дориан сверлил взглядом спину Ноя до тех пор, пока тот не обернулся и спросил:

– Ну что?

Дориан несколько секунд ничего не отвечал. Кухонное освещение делало его лицо детским, доверчивым. Между бровей залегла напряженная морщинка, и взгляд говорил: «Сделай же что-нибудь, не стой столбом, брось эту дрянь из рук!»

– Тебе не кажется, что уже *пора*? Уже одиннадцать.

Ной со вздохом перевел взгляд на часы, затем вышел из кухни, прихватив по дороге кусок утреннего пирога. Он знал, что пока не сделает того, что хочет Дориан, нет никакого шанса остаться наедине с собой *и с этим вкусным, сладким, ароматно пахнущим десертом.*

Размышляя об этом, Ной вошел в ванную комнату Каи Айрленд, откуда доносился шум льющейся из-под крана воды. Девушка лежала на полу, распластав руки в стороны. Ее длинные волосы разметались по кафелю – черное на белом.

Ной прошел к ванной и перекрыл воду до того, как та перелилась через край. Затем проглотил кусок пирога, вытер пальцы о шорты и присел перед бездыханной девушкой, чтобы проверить пульс. Его не было, Кая Айрленд умерла.

Ной поднял ее на руки, мягко опустил в воду, позволил погрузиться на дно ванной. Черные волосы сперва беспокойно взметнулись вверх, затем опали, окружая сетями худое бело-снежное тело.

Ной выпрямился, вытер руки о полотенце и облокотился о дверной косяк, приготовившись ждать. Он досчитал до ста дважды, прежде чем почувствовал, что Кая готова вернуться назад. Он приблизился, едва не поскользнувшись на кафеле, и резко выдернул девушку за плечи.

Она закашлялась, вцепившись мертвой хваткой в его запястья.

– *Что?.. Что это было?..*

Ее взгляд был безумным, и Ной почти рассмеялся, хотя смешного тут было мало.

– Ты умерла, Кая Айрленд.

Глава II

Город, который тебя не отпустит

Я крепко сжала запястья Ноя, оставляя следы ногтей на коже. В ушах гудело, и ничего, кроме этого гудения, не было слышно.

Я крутила головой, стараясь на чем-нибудь сфокусироваться, а затем в поле зрения появился Ной, схватил меня за щеки и сжал. Мне удалось прочесть по его шевелящимся губам несколько слов:

– Ты умерла, Кая.

Повисла оглушающая тишина. Потом прорвались раскаты грома за окном.

Что случилось?

С трудом отлепив окоченевшие пальцы от рук Ноя, который смотрел на меня изучающе, как на интересный экспонат в музее, я содрогнулась: малейшее движение отдавалось болью во всем теле.

Что случилось?

– Думала, что попадешь в рай? – Ной улыбнулся, выпрямляясь. – А тут вот я.

– Я почувствовала, что умираю, – глухо отозвалась я, поднимая взгляд. Его лицо смягчилось, насмешка исчезла. Нагнувшись, он аккуратно убрал за уши мои волосы, прилипшие к щекам. Его ладонь показалась мне невыносимо горячей, я вздрогнула.

– Ты действительно умерла, Кая. Мне жаль, солнышко, но ты... Может, сначала выберешься из ванны? Тебя не смущает такое положение вещей? – Он показал указательным пальцем сначала на себя, потом на меня. Опомнившись, я ухватила руками за бортики ванны и поднялась, обдав брызгами Ноя.

– Не нужно пытаться залить все водой! – возмутился он, отскакивая.

Встав на коврик, я обернула себя полотенцем, чтобы он не рассматривал татуировку, просвечивающую сквозь майку. О том, что он уже давно увидел все, что захотел, я предпочла не думать.

Я взглянула в зеркало и встретилась взглядом со своим отражением. Несмотря на пережитый ужас, я выглядела как обычно: волосы смоляного цвета были перекинута на грудь, из-под полотенца виднелись белоснежные плечи с острыми ключицами и лямки майки. Все как всегда, кроме чувства страха и мурашек на коже. Я провела ладонью по белым полоскам застарелых шрамов на руках и на шее.

– *Я умерла?*

– Да, и это случится еще не раз.

– Что ты сказал? – Я резко обернулась, встретившись с равнодушными глазами-льдинками. Следующая реплика Ноя прозвучала как приговор:

– Я сказал, что это случится еще не раз. И сегодня, и завтра, и послезавтра, и через неделю – ты будешь умирать всякий раз, когда Леда Стивенсон будет пытаться убить себя.

Щелк. В моей голове будто взрывались мыльные пузырьки. *Щелк, щелк, щелк.* Когда исчезал один, на его месте появлялся другой. В ушах нарастал звон, не давая сосредоточиться на определенной мысли.

– *Кто такая Леда Стивенсон?*

Ной долго не отвечал, изучая меня спокойным взглядом, затем медленно приблизился и приобнял меня за талию, увлекая за собой. Я оперлась на него, приняв помощь, потому что все еще была там, в мертвом мире, парализованная и шокированная.

Когда босые ноги коснулись ковра, я услышала объяснение:

– Леда Стивенсон – это девушка, которую ты спасла сегодня в женском туалете УЭК. Та милая блондиночка, которая была такой напуганной, что мысленно заставила тебя заступиться за нее. Ле-да Сти-вен-сон, – произнес он по слогам, и я резко остановилась.

Дверь ванной осталась позади, как молчаливое напоминание о случившемся, слева – высокий шкаф из темного дерева, в котором когда-нибудь (не сегодня) будет висеть одежда (не моя). Ной убрал руку с моей спины и склонил голову к плечу, приготовившись к потоку вопросов.

– Ты что, шутишь? – спросила я, и его взгляд похолодел.

– Когда ты задыхалась в ванной комнате и не могла позвать на помощь, это показалось тебе смешным? Когда чувствовала, что душа покидает тело и потом возвращается в него, тебе казалось, что это шутка? Мне так не кажется.

Я почувствовала холодок между лопаток, но причина была не в мокрой одежде и не в распахнутом настежь окне – *я просто вспомнила ее*, вспомнила девушку-цыпленка, которая смотрела в мою сторону слезящимися глазами, умоляя о спасении.

Она была жертвой Майи Кинг.

– Как она связана *со мной*?

– Сегодня Леда свела счеты с жизнью, – бросил Ной, оценивая мое выражение лица. – И всякий раз, когда она будет пытаться себя убить, ты будешь умирать вслед за ней.

Что за бред?

– Я уйду. – И опять слова сорвались с моих губ прежде, чем я успела их обдумать. Как и в тот момент, когда призналась вслух, что мертва.

– Ты должна заставить ее жить, Кая. После этого все прекратится. Иначе будешь умирать до конца своих дней.

– Кто ты? – перебила я.

– А ты?

– Что?

– Кто ты, Кая, теперь, когда случилось все это?

Я сделала еще шаг назад, заявляя:

– Я еду домой.

Боже, уже не имеет смысла, чем я не угодила маме, – *я все исправлю*. Извинюсь, попрошу прощения за все, что натворила, за то, что мучила ее несколько лет подряд, за то, что была хладнокровной и равнодушной дочерью.

Я исправлюсь. Докажу маме, что изменилась.

Что я не монстр.

Что я не робот.

Докажу, что я не как отец.

Я сделаю что угодно, но больше не задержусь в Эттон-Крик ни на минуту.

– Этот город не отпустит тебя, Кая.

– Нет, я уезжаю прямо сейчас!

Внезапно показалось, что все проблемы решатся, стоит лишь уехать.

– Я здесь не останусь.

Ной не двигался, а я металась по комнате: вытащила из-под кровати чемодан и принялась запихивать туда одежду, которую успела достать вчера и разложить на стуле у круглого окна.

– Ты уверена?

Его насмешка больно уколола, я засомневалась, но продолжила бросать в чемодан учебники по медицине.

– Да, уверена. У меня была нормальная жизнь до этого переезда. Я знала, что случится на следующий день, знала о том, какое будущее меня ждет. В Хейдене...

– *Нормальная жизнь?* – с сомнением спросил Ной, и я резко обернулась. Он вскинул бровь, провоцируя меня на грубость, но я внезапно почувствовала себя уязвимой.

Почему он смотрит так, будто видит меня насквозь?

Ной со вздохом направился ко мне.

– Ты всю жизнь была несчастной, всю жизнь чувствовала себя недостойной. – Он остановился на расстоянии вытянутой руки, кинул рассеянный взгляд на чемодан. Поверх кучи вещей лежала рамка с фотографией. Мне тут же захотелось схватить ее, спрятать от чужих глаз, но я не пошевелилась. – Ты заставила себя стать похожей на *него* – сильной, решительной, думала, что так сможешь выжить, сможешь справиться со своими чувствами? *С обидой от того, что он бросил тебя?*

– **МОЙ ОТЕЦ ПОГИБ!**

Впервые за очень долгое время я потеряла над собой контроль. Лишь когда ноги стали ватными, а во рту пересохло, я вспомнила о таблетках, но не смогла сдвинуться с места.

– И ты даже не попрощалась с ним, – тихо закончил Ной. В голосе не было ни сожаления, ни веселья, глаза, напоминающие небо морозным утром, оставались бесстрастными.

Почему... почему он говорит это? Откуда он знает?..

Он ведь другой – он просто парень, который печет булки; настолько прозрачен, насколько вообще возможно.

Ты знаешь его лишь один день.

Я с трудом взяла себя в руки, справилась с учащенным дыханием и разжала заочневшие пальцы. Суставы пронзила невероятная боль, но я даже не поморщилась и твердо заявила:

– Мне все равно, откуда ты все это знаешь. Я уезжаю.

Не хочу больше говорить с ним. Не после того, что он сказал о моем отце и обо мне.

– *Ты не уедешь, Кая.*

Я отвернулась и, чувствуя затылком буравящий взгляд Ноя, спустила полотенце, обернув его вокруг бедер. Заменяла мокрую майку теплой футболкой с длинным рукавом, затем впрыгнула в штаны. Пакет с мокрой одеждой я запихала в боковой карман чемодана. Когда молния вжикнула, меня пронзил отчетливый иррациональный страх, что хозяин дома говорит правду и я теперь навечно буду заперта в этом городе.

Не может быть.

Поставив чемодан на колесики, я ухватилась за металлическую ручку и покатила его к двери. Каждый шаг отдавался внутри болью, ноги дрожали. *Прочь из этого дома, прочь.*

Мое сердце колотилось так громко, что я слышала его биение. *И Ной Харрингтон слышал, выйдя следом за мной в коридор.* Он молчал, не пытался говорить, просто смотрел вслед. А внутри я горела. Каждая клетка дышала огнем, хотелось плакать, но *нельзя*, в голове звучали чужие голоса.

Поз-зорище!

Я не имею права плакать, потому что сбегаю. Делаю то, что ненавижу больше всего на свете, – сдаюсь.

Эй, поз-зор-р-рище! А твой отец всегда боролся до конца!

Я ускорила шаг, почти бежала. Колесики чемодана грохотали по лестнице. *Бах-бах-бах-бах!..*

В голове пронеслась странная мысль, что сейчас разбужу Дориана, и он, сонный и в халате, выйдет из спальни и в недоумении глянет на меня: *куда ты на ночь глядя?*

Да, мой отец всегда боролся до конца. Но он мог контролировать свою жизнь, а в этом городе я ничего не могу контролировать, потому что не понимаю, что происходит. Знаю лишь, что творится что-то ужасное. *Я должна уберечь девушку-цыпленка от самоубийства.*

А если не сделаю этого – умру? Снова и снова?

Что не так со мной? А с Ледой Стивенсон?

Что не так с этим городом?

* * *

Леда Стивенсон лежала в одиночной палате в городской больнице – в той самой, где до аварии работал ее отец. Если бы Джек Стивенсон выжил, он бы тоже лежал здесь, окутанный запахом лекарств и звуком гудящих аппаратов. Леда перевела взгляд на иголку от капельницы, торчащую из бледной руки, и внезапно все расплылось перед глазами. *Ей вновь не удалось убить себя.*

Услышав за дверью торопливые шаги, Леда быстро закрыла глаза и притворилась спящей. Ресницы тут же стали влажными, к правому виску скатилась слезинка, но девушка не пошевелилась, прислушавшись. Кто-то вошел в палату, тихо притворив дверь. На мгновение в воздухе повисла тишина, затем вновь послышались шаги. *Это тетя Лаура.* Только она старается ходить беззвучно. Женщина склонилась к Леде, повеяло горьковатым ароматом кофе.

Притворяться спящей стало трудно, она открыла глаза и увидела, как тетя Лаура, закутанная в голубую шаль, тихо ставит термос на столик слева от койки. *Собирается провести здесь всю ночь – вновь взяла ночное дежурство.*

Увидев, что Леда проснулась, она склонилась и обняла ее, как обнимает ребенка мать. На мгновение Леду накрыла волна светлых волос, затем тетя Лаура опустила в кресло и тяжело вздохнула. Взгляд скользнул к термосу с кофе, затем она вновь посмотрела в голубые глаза Леды. Она хотела задать вопрос, *очень хотела*, но боялась получить ответ. Поэтому вместо *страшного вопроса* решила задать другой:

– Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо. – Леда попыталась улыбнуться. Было противно, что в голосе маминой сестры звучат слезы и горечь, и все из-за нее. С тех пор как беззаботная тетя-француженка переехала в Эттон-Крик, от улыбок не осталось и следа. Тетя Лаура высохла, словно тростинка, кожа на лице стала бледной, лишилась сияния. Леда выпила из нее хорошее настроение и совсем ничего не вернула взамен.

– *Хорошо?* – спросила с сомнением тетя, давая Леде шанс изменить ответ.

«А как я должна себя чувствовать после попытки перерезать себе вены?» – думала та.

Но вслух Леда, конечно, ничего подобного не сказала, лишь покладисто улыбнулась:

– Да, со мной все в порядке. И не стоило брать из-за меня еще одно дежурство. На той неделе вы достаточно поработали, теперь вам нужен отдых.

Тетины серые глаза тут же наполнились слезами.

– Дорогая, зачем ты сделала это? – Она кивнула на перевязанные запястья и вновь пылливо посмотрела в небесно-голубые глаза Леды. Эти глаза и белые волосы делали Леду похожей на ангелочка.

– Я случайно порезалась. – *Леда должна была это сказать.* Просто потому, что признаться, что она не хочет жить, – *унизительно.* И кроме того, тетя Лаура очень ее любит и, возможно, сделает вид, что и вправду ничего не случилось.

– Ох, Леда, на тебя столько свалилось... – Тетя пригладила белые волосы девушки пахнущей кремом рукой, затем осторожно поцеловала холодными губами в лоб. – После смерти Джека все пошло наперекосяк...

Леда испуганно вздрогнула, зажмурилась и завопила:

– На помощь! – Лаура отшатнулась. Боль Леды передалась и ей; руки и ноги прострелили болезненные вспышки тока, а глаза наполнились неподдельным ужасом. Леда продолжала надрывно кричать: – На помощь, кто-нибудь! Помогите!

Словно бабочка, запертая в банке коллекционера, она металась по постели, задыхаясь от воплей и слез. Лаура зажала руками рот и затаила дыхание, наблюдая, как племянница в соб-

ственном воображении вновь переживает момент аварии. Как неосторожно Лаура упомянула имя ее отца, напомнила об этой проклятой аварии, о его ужасной и мучительной смерти...

– Мама... пожалуйста, спаси меня...

Нежная Леда Стивенсон ослабла; ее веки затрепетали и успокоились, руки с тонкими запястьями легли вдоль ее хрупкого тела. Лаура склонилась к ней и дрожащей ладонью уложила встрепавшиеся волосы. Ей хотелось обнять ее, укрыть своим телом. Так бы поступила мать Леды, но Лаура не она и не сможет защитить девочку от всего мира. *Она уже опоздала.*

Женщина вздрогнула, услышав стук в дверь, и обернулась. В палату вошли двое: детективы Гаррисон и Дин.

– Майкл? – Она насторожилась, приготовившись защищаться.

– Все в порядке, Лаура, – сказал детектив Гаррисон, – я просто задам твоей племяннице несколько вопросов.

От страха сердце Леды затрепетало, а мысли смешались. *Они знают. Они все знают. Поэтому они здесь.* Ей показалось, что детектив Эндрю Дин слишком настойчиво наблюдает за ней своими зелеными глазами, и чтобы спрятаться от его взгляда, она опустила голову, притворившись, что интересуется мелкими синими цветочками на белоснежном больничном покрывале.

Тетя Лаура между тем вела борьбу со своим старым другом-детективом:

– И о чем же ты собираешься с ней говорить?

– Лаура, просто...

– Нет, Майкл! Хватит!

– Майя Кинг мертва.

Леда резко подняла голову, на секунду почувствовав головокружение, как будто ее сильно дернули вверх, и уставилась на детектива Дина.

Детектив Гаррисон покосился на своего молодого напарника, затем перевел взгляд на Лауру и тихо сказал:

– Майя и ее отец были обнаружены три часа назад в собственном доме зверски убитыми.

– Нам известно, что Леда была не в очень хороших отношениях с Майей Кинг, – добавил Эндрю Дин. Он подступил к постели Леды еще ближе, и девушка увидела в зеленых глазах заинтересованность.

– Я... я...

– Говоря о *не очень хороших отношениях*, вы подразумеваете издевательства? – зло перебила Лаура, скреживая руки на груди. Каждый день Майя избивала Леду, мучила ее, таскала за волосы! – Вы *это* имеете в виду, когда говорите о *не очень хороших отношениях*?!

– Лаура, просто позволь нам поговорить с ней, – вмешался Майкл Гаррисон, поворачиваясь к воинственной женщине и сверля ее взглядом.

– Для чего все это? – Она опустила руки, даже не замечая, что с плеч сползла шаль. – Чтобы вы могли обвинить ее?

– Мы просто поговорим. В Эттон-Крик убийство. Ты знаешь, что это значит.

Женщина притихла, и детектив Гаррисон надавил сильнее:

– Лаура, давай выпьем чашечку кофе. Детектив Дин останется с Ледой.

Детектив Эндрю Дин кивнул. Леде показалось, что он ждет не дождется, чтобы остаться с ней наедине. И как только это случилось, он медленно подошел к креслу и кинул на спинку свой пиджак.

– Хочу прояснить с самого начала: детектив Гаррисон не считает, что ты можешь быть причастна к убийству Кингов. – Голос его звучал по-деловому. Повисло молчание. Леда Стивенсон сжалась в клубочек под покрывалом, и будь такая возможность, она бы забралась под него с головой и притворилась спящей – так пугал ее этот детектив Эндрю Дин. Он был старше

ее лет на шесть-семь, а казалось, что на все сто. *И кстати, он не сказал, что не думает так же, как детектив Гаррисон!*

– Это не я! – с жаром подтвердила девушка.

Детектив Дин опустил в кресло.

– Что ж, – сказал он, – я сам учился в школе, и хочешь – верь, хочешь – нет, но надо мной тоже издевались. И я знаю, на что способны ребята, когда их обидают. Ты борешься изо всех сил, но в итоге ломаешься. И у тебя есть лишь два выхода: причинить боль или себе, или кому-то другому.

– Я этого не делала, – повторила Леда, пряча руки с перевязанными запястьями глубже под покрывало. Повисло молчание. Эндрю Дин анализировал слова, выражение лица и тембр голоса девушки; он все еще не верил ей. Причин Леда не знала. Она ни разу в жизни никого не обидела.

– Из-за чего вы поссорились, Леда?

Почему он подозревает ее?! Может быть, он подозревает всех?

Детектив Дин был амбициозен, как и все молодые люди. Леда была уверена, что когда он приходит домой, у него нет времени даже приготовить себе еду, потому что все мысли занимает работа.

– Я не ссорилась с Майей. Я никогда не ссорилась с ней. Я старалась не искать ее, но она сама меня находила. Всякий раз, когда Майя видела меня, она... – Леда автоматически пригладила волосы, вспомнив, как утром ее схватила Майя. Тонкие исцарапанные пальцы скользнули по белым волосам и дотронулись до шеи, затем Леда склонила голову и уставилась взглядом в покрывало, потому что иначе ей сложно было бы закончить. – Она... Майя тащила меня в женский туалет на первом этаже. Никто не пользовался им, потому что все знали, что потом у них будут неприятности. Но в этот раз все было иначе.

– Что было иначе?

Леда болезненно поморщилась, заново переживая это утро. Она сглотнула, с трудом продолжила:

– Эта девушка... Я не ожидала увидеть ее там... И Майя тоже не ожидала...

– Кто эта девушка? – Детектив Дин наклонился вперед, упираясь локтями в колени и сцепив пальцы. Леда видела, как напряглись мышцы на его руках. На правом запястье были часы – совсем немодные, старые.

– Я слышала, что она племянница профессора Харрингтона.

– И что делала эта девушка?

– Она была расстроена чем-то и, думаю, хотела побыть одна.

– Она тебя не защитила?

– Она не хотела, – с уверенностью произнесла Леда. – Но потом она посмотрела на меня и словно... приняла решение. Девочки попытались избить ее, но она дала им отпор.

Детектив Дин заинтересовался еще больше.

– Она племянница профессора Харрингтона?

– Да.

Разговор продолжался еще некоторое время, и Леда Стивенсон честно отвечала на все вопросы. Она даже не думала что-нибудь утаить или просто солгать и выложила детективу Дину все как на ладони. Лишь раз она запнулась.

– Ты видела племянницу профессора Харрингтона прежде?

Повисло молчание. Наконец девушка сказала:

– Нет. Я никогда прежде не видела ее.

Леда неловко пропустила волосы сквозь пальцы, глядя на больничное покрывало. Вместо него вспыхнули совершенно другие картинки. Университет. Леда идет под дождем, и Майя пихает ее на проезжую часть. Машина чудом сворачивает в сторону. Туманное утро. Запах

кофе тети Лауры. Леда приходит в университет и пытается спрятаться от чужих глаз, но ее замечает Майя. Туалет. Леда ударяется о дверь и падает на кафельный пол. Колени болят, локти прострелило током. Она старается не кричать, но из горла вырываются стоны, а затем она слышит: «*Я видела тебя где-то*», и мир перестает существовать.

Ее взгляд падает на высокую и стройную незнакомку. Она во всем черном. На лице нет ни удивления, ни страха – вообще *ничего*. Взгляд пустой и холодный. Он остался равнодушным, даже когда Кира ее ударила.

Поэтому Леда испугалась – потому что Кая Айрленд не испытала страха. Когда их взгляды встретились, темный омут безучастных глаз стал засасывать Леду. *Она испугалась, потому что хоть и не видела Каю Айрленд прежде, но было похоже, что Кая Айрленд видела ее.*

* * *

Уже была глубокая ночь, но Дориан Харрингтон не спал. Он заперся в своей комнате с тех самых пор, как Ной ушел к Кае, и готовил лекцию, несмотря на то, что было до смерти интересно, как там дела внизу. Дориан покрутился на стуле вокруг своей оси, затем бездумно посмотрел на город за окном: сплошная чернота, даже на небе ни единой звездочки. Где-то вдали сквозь плотный молочный туман пробивался свет уличных фонарей, но здесь, в башне, было темно.

Он прошелся по комнате взад-вперед. Включил, выключил и затем снова включил свет. Достал мобильник и набрал номер. Волнение нарастало с каждой секундой, сердце бешено билось.

– Эй, Аспен.

– Чего тебе? Я не спал два дня. С Майей было трудно. Я очень устал. Я вымотан.

– Я знаю, я просто... – Дориан сделал глубокий вдох и облокотился о край стола. – Я хочу знать, кто будет следующей. Постоянно думаю об этом.

Аспен вздохнул. Даже его голос был уставшим, но Дориан не мог оставить друга в покое.

– Аспен?

– Ты знаешь ее, Дориан, – сказал парень. В его охрипшем голосе чувствовалась боль. – Это моя подруга Сьюзен.

Дориан помолчал мгновение, затем сказал:

– Не привязывайся к ним, Аспен, не привязывайся. От этого будет только больнее.

– Я знаю Сьюзен уже очень давно, Дориан. Я хочу все исправить. В эту пятницу я попытаюсь снова.

– Ты не сможешь исправить это. Что бы это ни было.

Когда Аспен отключился, Дориан не стал перезванивать, решив оставить все как есть. Потому что ничего нельзя изменить. *Пока нельзя*. И Дориан хотел бы, чтобы пятница никогда не наступила, но она наступит. А затем Сьюзен умрет.

Тик-так.

Тик-так.

Тик-так.

Дориан едва не застонал от безысходности. Он отложил телефон, схватил со спинки стула халат и, набросив его на плечи, выскочил из комнаты. Хоть Ной и просил не шататься ночью по дому, сил оставаться наедине с собой не было.

Предположим, Дориан очень сильно проголодался. Ной не поверит. Да и не имеет значения – Дориан просто не хочет оставаться наедине с собой. А присутствие Ноя всегда было чем-то... *восхитительным, словно надежда на лучшее.*

Дориан слетел по лестнице на первый этаж и двинулся в гостиную, потому что именно оттуда доносился дикий хохот Ноя. Тот смеялся над какой-то чертовщиной, которая не расмешила бы обычных людей в своем уме.

– Эй! – Дориан зашипел, останавливаясь в арочном проеме и испепеляя взглядом светловолосого парня, сидящего на диване с попкорном на коленях. Дориан обернулся, бросил взгляд на второй этаж в сторону комнаты Каи, затем продолжил буравить Ноя злобным взглядом. – Ты не мог бы смеяться чуть тише?! Кая может проснуться. У нее был тяжелый день, она должна отдохнуть, прийти в себя.

Дориан знал, что не должен срывать на Ное, потому что тот ни в чем не виноват, но не мог сдержаться. Парню, похоже, было все равно: он пожал плечами, закинул в рот горсть попкорна и с трудом произнес:

– Она ушла.

– Что? Куда? – Дориан завязал пояс, прошел в гостиную и остановился между Ноем и телевизором. От мысли, что придется сейчас ехать за ее телом в морг или куда похуже, его прошиб холодный пот. – Разве *эти вещи* не испугали ее? – Он беспомощно развел руками. – Разве она не рано ложится спать?!

Повисло недолгое молчание, нарушаемое лишь бормотанием, доносящимся из телевизора:

– Максимилиан не стал бы мне изменять! Он влюблен в меня!

– Аннабелла, он тебе изменяет!

– Нет, Рикардо, он не мог со мной так поступить!

Дориан поморщился.

– Ну да, напугали. – Ной поставил шоу на паузу. – Поэтому она уехала домой. *Испугалась*.

Дориан выдохнул и упал в кресло напротив дивана, на котором развалился Ной со своим попкорном.

– Я так устал... – Дориан потер лоб и взлохматил волосы.

– Да расслабься ты, – протянул Ной, бросив в Дориана попкорном.

– Что ты делаешь? – Дориан удивленно поднял брови.

– Пытаюсь тебя отвлечь.

– Не делай так больше.

– Ладно. Приготовить тебе чего-нибудь, чтобы поднять настроение?

Дориан вновь почувствовал, что закипает из-за беспечности и легкомысленности Ноя. Он направился к арке и, не оборачиваясь, сказал:

– Где Кая? Я поеду и заберу ее.

– Белинда, неужели Рикардо говорит правду?! – донеслось из телевизора. Дориан раздраженно остановился и обернулся – как раз вовремя, чтобы увидеть, как Ной подбирает с дивана рассыпавшийся попкорн и кладет в рот.

– Ну так?

– Она уже в автобусе, поэтому ты не успеешь. Иди спать, Дориан. Или иди поешь. Там есть пирог. Мороженое не трогай, оно мое! Ну ладно, не смотри так, можешь взять ложечку...

Дориан сжал зубы так сильно, что заболели скулы. Его грудь тяжело вздымалась. Затем, не сказав ни слова, но одарив Ноя презрительным взглядом, Дориан направился к лестнице.

– *Прекрати*. – Даже сквозь шум из гостиной он услышал приказ и замер как вкопанный. Медленно обернувшись, он посмотрел на Ноя, но тот как ни в чем не бывало пялился в экран телевизора. Целых тридцать секунд Дориан, затаив дыхание, ждал продолжения, и наконец-то Ной добавил: – *Пожалуйста*, Дориан, не беспокойся о всяких пустяках. Я уже позвонил в полицию.

* * *

Автобус так медленно плелся, рассекая светом фар ночную мглу, что я начала сердиться. Мне не терпелось уехать из Эттон-Крик как можно дальше.

Сквозь запотевшее стекло я следила за огоньками фонарей вдоль дороги. Они то исчезали, то вновь появлялись. Мне казалось, что мы не движемся, и иррациональное чувство страха заставило вспомнить зловещее предупреждение Ноя Харрингтона: «Ты не покинешь город».

Сидя в самом конце автобуса, я пыталась проанализировать и понять слова Ноя, но чем больше старалась, тем сильнее чувствовала себя по-дурацки. Неужели все произошло на самом деле? И с какой стати я могу быть связана с Ледой Стивенсон? С чего бы мне пытаться спасти ее от самоубийства?

В любом случае я совершила ошибку. Даже несколько. Первое, что я сделала не так – переехала в Эттон-Крик к этим странным Харрингтонам. Нет, Дориан вполне приятен, но после случившегося я вообще сомневаюсь, родственники ли мы. Вторая ошибка – спасение Леды Стивенсон. Я не несла за нее ответственность и не должна была заступаться, а теперь мы как-то связаны, и эта связь губительна.

Я все продолжала и продолжала думать об этом по кругу; одна мысль приводила к другой, затем к третьей и заново – не было ни начала, ни конца. Я улеглась на оба сиденья и накрылась курткой.

Если бы Майя не умерла, она бы и завтра мучила девушку-цыпленка. *Потому что такие люди не меняются.*

А что, если...

А что, если это Леда убила Майю Кинг и ее отца?

Нет, это звучит как бред, эта девушка, наверное, даже сумку с продуктами не сможет поднять. Она способна причинить боль разве что себе. *Что, кстати говоря, и произошло.*

Вскоре беспокойные мысли отступили, меня одолел сон.

Светофор. Красный свет. Я вжимаю педаль газа в пол. Боль в ранах на запястьях отдается болью в висках. Быстрее. Быстрее. Быстрее. Я лечу вперед и не думаю о том, что нарушаю правила.

Свет. Крики.

Я прищурилась, когда в лицо ударил луч фонарика.

– Кая Айрленд!

Я не понимала, что происходит, даже не успела испугаться. Кто-то потянул меня за руки, помогая сесть. Несмотря на то, что перед глазами все расплывалось, я увидела перед собой лицо красивого мужчины. Это его рука сжимала мое плечо железной хваткой, его фонарик светил мне в грудь.

– Кая Айрленд, вы должны проехать со мной для дачи показаний.

* * *

– Объясните, почему я здесь.

Я не смотрела по сторонам, только вперед, потому что в комнате для допроса у меня началась клаустрофобия. Здесь было холодно и тесно. Тесно и холодно. Отвратительно. Чтобы не паниковать, я сидела со скрещенными на груди руками и идеально ровной спиной, напряженная до предела, натянутая, как гитарная струна, еще немного – и порвусь, а если ослабить колки, тут же случится что-то страшное.

Этот город не отпустит тебя.

Детектив Дин, с которым мы познакомились в автобусе, не выглядел официально: на нем были кожаная куртка, тонкий джемпер и джинсы. К счастью, он присел напротив, потому что я не могла смотреть по сторонам. Его лицо было безразличным, впрочем, это напускное. Он, как и я, желает взять ситуацию в свои руки. И он выигрывает, потому что я понятия не имею, почему сижу здесь. Тон его голоса был спокойным и деловитым:

– Ты здесь, потому что мы должны задать тебе несколько вопросов в связи с убийством Майи и ее отца Ричарда.

– Я не знала Майю и тем более ее отца, – ответила я. Детектив Дин смотрел мне в глаза, изучая. Уверена, он видит признаки усталости, потому что я по-настоящему устала после всего случившегося за день. Может, кроме этого, он ищет доказательство моей вины, пытается понять, говорю ли я правду. Загримированный синяк под глазом привлек его внимание, но ненадолго.

– Мы с этим разберемся, – пообещал детектив, потирая подбородок. Выглядел он как модель с обложки модного журнала, что отнюдь не прибавляло доверия.

– По какой причине ты хотела покинуть город?

Я удивилась. *Покинуть город?*

– Соскучилась по маме. Решила вернуться домой.

– Именно в тот вечер, когда было совершено убийство. Немного странно, ты так не считаешь?

– У меня не было причин делать то, в чем вы меня подозреваете.

– Она тебе угрожала?

– Нет, Майя мне не угрожала, – возразила я. *Скорее наоборот – угрожала ей я.* – Мы столкнулись в туалете, когда Майя избивала девушку. Я вежливо попросила оставить девушку в покое.

Детектив наклонился вперед, и я внезапно подумала: а не догадается ли он, что я недавно умерла?

Глупая мысль.

– Ты не боишься, верно? – Взгляд зеленых глаз был таким пронзительным, будто детектив пытался прочесть меня.

– Я ничего не сделала. Мне нечего бояться.

Он откинулся на спинку неудобного стула, делая вид, что расслабился. Он не доверяет мне, а я не могу понять, почему все еще сижу здесь.

– Да, ты необычная девушка, Кая Айрленд, – соглашаясь, протянул он, но мои руки покрылись мурашками от дурного предчувствия. – Твой отец погиб два года назад, верно?

От неожиданности я вздрогнула.

– Какое это имеет отношение к делу?

– Просто любопытно, какое событие могло заставить примерную дочь и студентку медицинского факультета превратиться в убийцу.

– Я никого не убивала.

– У тебя есть пистолет, – как бы между прочим сказал детектив Дин.

– Отец подарил на совершеннолетие, я ни разу не стреляла, – тут же парировала я. Детектив прищурился, изучая мое лицо; его зеленые глаза в свете ламп были темными, подозрительными. Я готова была поклясться, что он попытается разоблачить меня, как вдруг он сказал:

– Я тебе верю.

Опешив, я переспросила:

– Вы верите мне?

– Да, я верю тебе, – подтвердил он, кивая.

– Тогда почему я все еще здесь?

Повисло молчание. Детектив Дин вновь пытался прочесть мои мысли, но я абсолютно ничего не понимала и ощутила неуверенность. *Все не то, чем кажется.*

– Вот поэтому.

Я напряглась, когда он достал из внутреннего кармана куртки газету, развернул ее и протянул мне.

– Что я должна увидеть? – Я взяла ее в руки, впервые пошевелившись за последние полчаса.

– Переверни страницу.

Я сделала так, как он велел, и просмотрела новости. Ограбление, нападение, пожар...

Дыхание перехватило, я подняла голову.

– Что это?

«Десятого сентября в десять часов тридцать минут на Старой улице в доме номер тридцать один вспыхнул чудовищный пожар, унесший жизнь владелицы художественной галереи Маргарет Айрленд...»

– Что это такое? – Я уставилась на детектива Дина немигающим взглядом.

– Протечка газа в...

– Мама не могла умереть! – громко заявила я. Мой голос прозвучал резко. Я повторила еще громче, словно детектив возражал: – Моя мама не умерла, ясно?!

– Кая...

Я вскочила на ноги, отшвырнув газету. Стул с противным скрипом отъехал назад.

– Она не умерла!

Детектив Эндрю Дин медленно поднялся и подошел ко мне. Я вновь ощутила, что парализована и не могу двигаться, ноги и руки отказывались подчиняться, стены стали смыкаться вокруг моего тела, над головой угрожающе навис потолок. Я безуспешно принялась хватать ртом воздух, пытаюсь влезть в карман куртки за таблетками.

– Кая! – Детектив опустил руку мне на плечо, сжал пальцы. Я почти не чувствовала его ладонь, не слышала командный голос.

Мама не могла умереть.

Я даже не увидела ее.

Это какой-то бред.

– Кая Айрленд, открой глаза!

Это какой-то бред.

– Стоп, не падай, не падай...

Глава III Похороны

Я была на похоронах не так чтобы давно.

Два года назад.

Когда нам отправили тело отца в закрытом гробу, когда мама еле передвигалась, когда мне самой пришлось все организовывать.

Когда его гроб медленно опускали в землю, мое сердце тоже ухнуло куда-то вниз. Тогда мне все еще не верилось, что настал конец, – все не могло закончиться так по-дурачки. Но, тем не менее, так все и закончилось.

Деревянный гроб. Оглушительный скрип ремней, когда его опускают в могилу. Земля, комьями осыпающаяся в яму. Мама, дрожащая рядом со мной от слез. Она была не в силах поднять голову и отнять ладонь в черной перчатке от рта.

Я ненавидела тот день. Ненавидела, что у меня не было возможности попрощаться с отцом, когда он был еще жив, ненавидела тот факт, что не успела извиниться. Я так упорно добивалась цели стать врачом, что отцовская мечта, чтобы я поступила в военную академию и пошла по его стопам, казалась *чудовищной ошибкой*. «Я не стану похожей на тебя», – вот что я сказала в последний раз. Но я уже была на него похожа. Была упряма, как он. Все время стояла на своем. Точная копия отца.

Может быть, потому мама и отказалась от меня – ей было больно на меня смотреть. Больно вдвойне. Ведь я была *папиной дочкой*. Отец был моим лучшим другом, мы вместе бегали по утрам, маршировали, устраивали недельные походы, ездили на полигон. Я делала все, чтобы он мной гордился.

Но у меня осталась только мама. А теперь и она ушла вслед за отцом.

И опять гроб. И вновь бьющий по ушам скрип ремней, опускающих его в рыхлую землю. И снова оцепенение от потери близкого.

Я все смотрела и смотрела на небольшую горку, под которой теперь покоились оба моих родителя, и не могла ни на чем сосредоточиться.

Я приехала из Эттон-Крик вместе с Дорианом, говорила с миссис Нэтвик (маминой лучшей подругой), говорила... *с другими людьми*, одевалась для похорон, посетила церковь, вновь видела закрытый гроб, но все еще не могла поверить в случившееся.

Разве так бывает?

Только что мама была рядом, крепко сжимала меня в объятиях, случайно мазнула кисточкой с синей краской по моей рубашке и рассмеялась, глядя на выражение моего лица. А теперь ее просто нет.

Все давно разошлись, рядом со свежей могилой остались стоять только мы с Дорианом. Мне хотелось, чтобы и он ушел, но он не отходил ни на шаг с той минуты, как забрал меня из больницы, куда меня доставили напрямиком из участка. *Боялся, что я выкину какой-нибудь фокус*.

Он приобнял меня за плечи, и я едва устояла на ногах. Каблуки начали проваливаться в землю. В груди все больно всколыхнулось, сжалось до размеров крупинки риса, и я затаила дыхание.

– Все будет в порядке, Кая, – шепотом пообещал Дориан. Он не замечал, что я дрожу, как выброшенный на улицу в мороз котенок. Он вновь повторил: – Все будет хорошо.

Меня охватило ощущение безнадеги. Ничего не будет хорошо, и мы оба это знали. Все его слова – пустой звук, они ничего не значат.

– Уходим, Дориан, – произнесла я хрипло и шагнула, но он остановил меня, сжав мой локоть.

– Поплачь, Кая. Тебе сразу станет легче, – сочувственно произнес он.

Легче?

С трудом проглотив комок слез, я лишь с третьей попытки смогла сказать:

– От этого мама не вернется.

Затем, осторожно отцепив его пальцы от своей руки, я ушла. К подошве липла грязь, и я пыталась изо всех сил сосредоточиться на приставучих комочках, чтобы не заплакать, но чем больше прикладывала усилий, тем яростнее становилось желание разрыдаться в голос.

Боль достигла пика в тот момент, когда я проходила мимо могилы незнакомой девушки с таким же именем, как у мамы. Я чувствовала невыносимое давление на глаза. Казалось, они вот-вот лопнут. Но я все равно не плакала. Молча прислушивалась к шепчущимся редким деревьям, росшим тут и там среди памятников и крестов.

Они молча переглядывались, говорили, что я никчемная дочь, не смогла сдержать данное отцу обещание, не смогла защитить мать. И я не могла оправдаться.

Чтобы укрыться от сплетен, я скрестила руки на груди и ускорила шаг, больше не задерживаясь взглядом на могильных плитах.

Тринадцатое сентября навсегда отпечатается в моей памяти.

Звуки, запахи, закрытый гроб будут преследовать меня вечно.

* * *

Дрожащими руками миссис Нэтвик вручила мне кружку с горячим чаем и что-то сказала. Я кивнула, не поднимая головы – не могла смотреть в ее опухшие глаза с лопнувшими сосудами. Казалось, по щекам вот-вот покатятся кровавые слезы.

Мы устроились в доме Нэтвиков в гостиной с камином. Здесь было тихо и прохладно. Миссис Нэтвик сидела на краешке стула, а мистер Нэтвик стоял за ее спиной, вцепившись в ее плечи, как в спасательный круг.

Они были частью моей семьи, они и их уютный домишко, который стоял в конце улицы неподалеку от нас. Здесь все напоминало о прошлой жизни: та же мебель, те же общие фотографии в серванте. Миссис Нэтвик заметила, что я смотрю на снимок мамы, и судорожно вздохнула.

– Мэгги была такой смешной в школе...

Я не хотела слушать все это, но не могла приказать миссис Нэтвик замолчать. Внезапно в комнате стало душно, и я расстегнула две верхние пуговицы своей черной рубашки. Дориан подозрительно покосился в мою сторону со своего кресла, но ничего не сказал.

Когда миссис Нэтвик набрала в легкие побольше воздуха и продолжила, он отвернулся.

– Мэгги все время подбирала на улице бродячих кошек и тащила домой. Как же ей однажды влетело!..

Мистер Нэтвик внезапно произнес:

– Скоро Селена будет дома.

– Правда? – приободрилась я и поспешно сделала глоток чая, чтобы скрыть свое облегчение. Чай был горьким, и я вспомнила, что мама ненавидела горький чай и всегда клала по меньшей мере три ложки сахара.

– Мэгги была для Селены как вторая мать, – сказала миссис Нэтвик, шмыгнув носом и болезненно улыбнувшись.

Старательно размышляя о том, что на это сказать, я добавила еще сахара. Миссис Нэтвик не обратила на это внимания, продолжая говорить о своей дочери. Селену я могла бы назвать своей лучшей подругой. По правде говоря, она была моей *единственной* подругой. Высокая, стройная, до жути упрямая, она бежала впереди меня. Если я флегматично действовала по плану, то Селена всегда рвалась в бой.

Известие о скором ее появлении вызвало у меня смешанные чувства. Селена всегда была для меня синонимом уюта, дома, безопасности. Теперь все изменится. *Все уже изменилось.*

Дориан положил руку мне на плечо, и я вздрогнула, забыв, что он сидит рядом и иногда пристально, а иногда исподтишка наблюдает за мной.

– Ты в порядке? – осторожно спросил он.

– Ты уже спрашивал, – ответила я. Помолчав, добавила: – А почему Ной не поехал с нами?

Вообще-то мне было все равно, почему его здесь нет, просто не хотела обсуждать свое состояние, пока миссис Нэтвик отлучилась на кухню, а мистер Нэтвик отправился в свой кабинет, куда уходил, едва его начинало одолевать беспокойство.

– Он болен, Кая, – пояснил Дориан, продолжая меня изучать. Я ответила недоверчивым взглядом. – Он не может выходить на солнце.

– Ясно.

Звучало как самое худшее в мире оправдание, но это его дело. Я вдруг осознала, что мне вообще плевать, что вокруг творится. Я была вымотана, в голове царил хаос. Не помню, когда спала в последний раз. Стоило прикрыть веки, сразу же ощущала под ногами рыхлую почву, а воздух пах дождем. Стоило закрыть на мгновение глаза, и вот я уже вижу гроб, ожидающийся своего часа на краю могилы.

Может быть, они находятся в лучшем мире, но уж точно не я. Без них мой мир ужасен.

– Возможно, вы голодны?

Я подскочила словно ужаленная, когда в гостиную вошла миссис Нэтвик, распространяя запах жаркого. Желудок сжался от спазма, я бы не смогла проглотить и ложки, но кивнула. Скорее всего, Дориан голоден, и я подозревала, что, если откажусь от угощения, он последует моему примеру.

Мы прошли на кухню, и я все никак не могла отделаться от мысли, что мама никогда больше не попробует жаркого миссис Нэтвик.

* * *

Пришлось заночевать в доме Нэтвиков, потому что Дориан, вместо того чтобы солгать, что мы заказали номер в гостинице, молчал словно рыба. Хозяйка надавила, он сдался. В семь вечера, когда мое терпение было на исходе, мне позволили уйти, и я заперлась в комнате для гостей и упала на кровать, даже не раздеваясь. Ноги и руки ломило, голова раскалывалась. Сердце глухо стучало в груди и с каждым стуком напоминало о том, что оно все еще бьется, все еще качает кровь.

Долгожданные слезы накатили внезапно, и в этот раз я не стала их сдерживать. Зажимая рот кулаком, я редела от боли. Это прекратилось спустя два часа, когда мысли затуманились. Глаза жгло, когда я разглядывала покрывало на кровати в мелко-розовый цветочек.

Маме бы оно понравилось.

Я шумно выдохнула, борясь с новым приступом слез, затем стянула с себя штаны и рубашку и забралась под одеяло. *Хотелось бы и мне в этот момент прекратить существование.*

* * *

Едва рассвело, я тут же распахнула глаза. Посмотрела в окно, на голые верхушки деревьев, затем повернулась на спину и немигающим взглядом уставилась в черный угол рядом с дверью.

Прошло совсем немного времени. По шее скатилась капелька пота. Я вскочила, и, отгоняя мысли, на цыпочках побежала к двери. Приоткрыла ее, чтобы в комнату заползла полоска света из коридора. Немного успокоившись, вернулась к постели, забралась под одеяло и закрыла глаза.

Тщетно пыталась уснуть, но тишина в доме была невыносимо звонкой.

«Ты будешь думать, – шипела она, – будешь. И сейчас, когда закроешь глаза, и когда притворишься, что тебе не больно».

Я резко села. Тело горело огнем, готовое разорваться на тысячу кусков. Это состояние продолжалось до тех пор, пока я не выскользнула во двор и не набрала полную грудь свежего воздуха.

Я старалась ни о чем не думать, но ощущение, что мир стал другим, не отпускало.

Отдаляясь от дома миссис Нэтвик, я чувствовала ни с чем несравнимое облегчение. Словно больше не нужно притворяться кем-то другим, словно прожектор, который был все время на меня направлен, наконец-то выключили. И вот, в очередной раз моргнув, я словно по волшебству очутилась перед пепелищем, которое ранее называлось моим домом.

Я остановилась и обвела взглядом обугленные стены, черный шифер, сугробы серого пепла перед порогом. Я была здесь лишь несколько дней назад, вдыхала аромат маминых роз, чувствовала на ее пальцах затвердевшую краску, когда она заправила мои длинные волосы за уши и поцеловала в лоб, чтобы попрощаться. Это случилось недавно, а такое чувство, что прошло много времени. Эттон-Крик с его убийствами, моя смерть, Леда Стивенсон и... мама.

Я вздохнула, но больше не ощущала ни аромата роз, ни запаха краски – ничего. Пустота. Подступив к калитке, коснулась кончиками пальцев железных прутьев, но тут же отпрянула. Теперь это место – еще одно кладбище.

Я сделала несколько шагов назад и покрутила головой. Слева – дом молодой учительницы мисс Бакли, справа живет мистер Кармайкл со своими собаками. Неужели эти люди не заметили зачатки пожара? Неужели мама не заметила? Чем она была занята, почему не вышла на улицу?

На меня косились прохожие, соседи украдкой выглядывали из окон, чтобы проверить, стою ли я до сих пор на пороге дома. Я могла бы простоять здесь вечность, но ушла, ведь маму все равно не вернуть. Будь это возможным, я бы провела на этой выжженной земле тысячу лет. Я бы отдала что угодно, чтобы она тоже выглянула в окно.

– Кая? — удивленно спросила бы она, обнаружив меня перед домом. – Почему ты не заходишь?

Услышь я сейчас ее голос, не стала бы как обычно молча входить в дом. Я бы обняла ее. Я бы даже улыбнулась, поцеловала в щеку...

Но все это невозможно, потому что мертвые не возвращаются. Не имеет значения, как сильно ты хочешь их увидеть, как страстно желаешь попрощаться, что можешь и хочешь отдать взамен – смерть никогда не вернет близких.

Я сунула руки в карманы куртки и двинулась к автобусной остановке. Еще не знаю, что буду делать – возможно ничего. Может, буду просто сидеть на скамейке и смотреть перед собой или на прохожих. Знаю лишь, что не хочу возвращаться к миссис Нэтвик. Она вновь окружит заботой, вновь будет демонстрировать оптимизм, дрожа всем телом от притворства.

Уже высоко взошло солнце, рассеялся туман и потеплел воздух. Мои щеки покраснелись от быстрой ходьбы, когда я наконец достигла цели и опустилась на скамейку.

Время продолжало нестись вперед, прохожие останавливались, запрыгивали в автобус или такси и мчались дальше, только я не двигалась. Я не могла признать случившееся, не могла смирилась.

Я не успела обдумать эту мысль, потому что подъехал автобус, проезжающий мимо маминной художественной галереи, и я, ни секунды не колеблясь, зашла внутрь. Водитель улыбнулся

и пожелал доброго утра. Я тоже пожелала, но не стала улыбаться. Заплатив за проезд мелочью, найденной в кармане куртки, прошла в самый конец автобуса и присела у окна.

В Эттон-Крик все по-другому. Сейчас лишь начало сентября, но там деревья стоят почти голые. Солнце тусклое и безжизненное, здесь же светит так ярко, что приходится щуриться и прикрывать ладонью глаза. Там я чувствовала себя одинокой. Здесь теперь тоже.

Я вышла на остановке напротив маминой галереи. Сперва не знала, почему поступаю так, как поступаю, но сейчас меня внезапно одолело сильное желание пройтись по белоснежным коридорам с высокими потолками, полюбоваться картинами, которыми мама дорожила так сильно, что едва ли не считала их членами семьи. Она могла проводить в обществе своих картин и скульптур много часов – все свободное время – и меня заставляла: *«Кая, они всегда придут на помощь. Приведут твои мысли в порядок, помогут найти правильный путь или даже себя»*.

Для меня эти слова всегда звучали чуточку безумно, но сейчас я словно сумасшедшая взлетела по мраморным ступеням. *Я хочу привести мысли в порядок, найти правильный путь, найти маму*. Ручка двери, за которую я схватилась, повернулась в моей ладони сама собой, и уже второй раз за неделю меня едва не сбили с ног. Это был Томас – рыжий долговязый парень, мамин помощник.

– Кая! Прости, я не заметил тебя! – Он снял солнцезащитные очки так, словно снял маску. Том был всегда восторженным: все время шутил, улыбался и говорил на повышенных тонах. Именно поэтому он мне нравился: у него не было кислой мины и безучастного выражения лица, которое я видела в своем отражении в зеркале.

– Привет, Том. – Я тут же отметила про себя его черный пиджак. Том был на маминых похоронах. Его глаза были блестящими, а губы дрожали, когда он бросал на гроб горсть земли. Я кивнула на дверь: – Хотела немного прогуляться, поэтому пришла сюда.

– О. – Том сдулся, и я поняла, что он тоже вспомнил кладбище. На секунду замешкавшись, он слабо улыбнулся: – Приготовить тебе чаю? Знаю, ты на дух не переносишь кофе. Твоя мама напротив его обожа... ла. Она очень любила его.

Он замолчал, неловко переминаясь с ноги на ногу. Я поднялась на ступеньку выше, приворяясь, что не заметила, как он запнулся.

– Да, мне не помешал бы чай. Без сахара. Спасибо.

Том отпер дверь и пропустил меня внутрь. Мы тут же оказались в просторной белоснежной комнате с высокими потолками и витражными окнами, которые сами по себе уже были произведением искусства. Каждая скульптура, каждая картина – будь то портрет или пейзаж – сверкали, начищенные до блеска. В воздухе не видно ни пылинки. Том тут убирал? Или, возможно, еще мама?

Хорошо ли я знала ее? Как она могла позволить себе умереть так нелепо?

Я прошла по мраморному полу мимо небольшого декоративного фонтанчика и наклонилась, чтобы рассмотреть некрасивое тонкое дерево на подставке, стоящее посреди зала. Да, это было в мамином стиле – она любила собирать всякие уродливые штуковины и потом выставлять напоказ, в надежде, что хоть кому-нибудь они придутся по душе.

Не мне.

Я отвернулась и наткнулась на печальный взгляд Тома. Его лицо тут же прояснилось, он улыбнулся:

– Чай. Я и забыл про него, прости.

Я не успела попросить его не извиняться и не успела предупредить, что буду в мамином кабинете, как Тома и след простыл.

Пройдя мимо прочих вещей, которые она так любила, – всяких нелепых штук типа лошадиных голов, стоящих на подставках у лестницы, я поднялась на второй этаж и скрылась за белоснежными дверями в кабинете. Первое, что бросилось в глаза, – африканские маски, вися-

щие над столом. Как она могла сидеть целыми днями в окружении этой жути? Ее это совсем не напрягало, а меня даже очень. И сейчас, стоя посреди ее кабинета в окружении бесполезной, на мой взгляд, ерунды, я почувствовала себя даже более одинокой, чем прежде. Мы с мамой настолько разные, что становилось больно. Мне бы хотелось быть больше похожей на нее. Чтобы люди говорили: «Кая, ты вылитая Маргарет!» или: «У тебя такой же чудный вкус в музыке, как у твоей мамы».

Я пересекла кабинет и присела за стол, заваленный хламом, который мама называла «творческим беспорядком». Я вновь увидела ее улыбку: *«Боже, Кая, почему ты такая зануда? Немного расслабься. Здесь чувствуется стиль! Чувствуешь стиль? Почему не чувствуешь?! Ты в точности как твой отец, но он хотя бы притворно улыбается, когда попадает в мое царство красоты и искусства»*.

В кабинете было множество фотографий, в том числе и отца. Его светлое лицо мгновенно привлекло мое внимание. Я взяла снимок в руки, хоть и не хотела ни к чему прикасаться, и пристально посмотрела на улыбчивые глаза и растрепанные волосы. Отец не знал, что я фотографирую его, потому что в этот момент он о чем-то болтал с мамой. Хорошая фотография. Несколько секунд я любовалась этим запечатленным на бумаге воспоминанием, затем принялась рассматривать мамины вещи, которые валялись на столе. Вещи, которые не имели для меня никакого значения, но которые, несомненно, были важны для нее.

Пять минут спустя я просмотрела ее ежедневник, но не обнаружила никакой зацепки.

Стоп! Зацепки?! Я не ищу зацепок, я просто рассматриваю ее вещи.

Мое сердце тревожно забилося в груди, когда я отложила мамин ежедневник и откинулась на спинку кресла.

Что случилось на самом деле?

Мама бы никогда не умерла такой глупой смертью. Она появлялась дома так редко, что не могла сгореть в каком-то дурацком пожаре.

В следующую секунду я стала рыться в ее бумагах, словно сумасшедшая.

Она не могла умереть просто так. Это чья-то ошибка и точно не ее собственная. Слишком все странно. Возможно, случившееся с мамой и смерти в Эттон-Крик никак не связаны, но чувство именно такое.

Как-то это странно, что я уехала из города и тут же...

Я скрестила руки на груди и обвела взглядом мамин кабинет. Я должна думать, как она. У мамы никогда не было от меня секретов, но возможно было что-то, что она не могла мне сказать. Ее жизнь была абсолютно хаотична, но при этом мама обращала мое внимание на знаки, которые я предпочитала не замечать. Говорила, что нельзя не игнорировать детали, которые выбиваются из общей картинке. Говорила, что нельзя не проходить мимо и притворяться, что все нормально, если что-то кажется странным.

Я покрутилась на стуле вокруг своей оси.

В последние дни ее что-то тревожило. Когда неделю назад мама собиралась на благотворительный вечер и попросила меня помочь подобрать ей платье, мне показалось, она хочет о чем-то поговорить. Но разговор не состоялся, мама притворилась, что обеспокоена делами галереи. Во время похода по магазинам она нервничала, а я раздражалась, из-за чего она нервничала сильнее. В итоге мы ушли домой, так ничего и не купив.

Я вновь обвела взглядом кабинет.

Будь у мамы тайна и если бы она хотела спрятать нечто важное, как бы поступила?

Спрятала бы она свой секрет туда, куда никто не догадается заглянуть или куда не стала бы я заглядывать?

Я снова крутанулась на стуле и посмотрела на шесть уродливых масок, висящих на стене за столом. Страхолюдины уставились в ответ, и под их пристальным взглядом я заглянула под каждую, но ничего не обнаружилось.

Это все чушь, – укорил меня внутренний голос.

А что, собственно, я хочу найти?

Мамино прощальное письмо? Объяснение, почему она отослала меня в Этгон-Крик к этим Харрингтонам? Почему так странно вела себя в последние дни?

Бред.

Я запыхалась, обследуя все стены и плинтуса, и вдруг нашла что-то под одним из них – сверток бумаги.

Записка.

Я жала ее в пальцах и зажмурилась. Я была права. Я ни на что не рассчитывала, но все же была права – мама что-то скрывала. С колотящимся сердцем я вернула кусок плинтуса на место и развернула записку, чтобы прочесть ее, но услышала голос Томаса:

– Кая?

Я выпрямилась, выглядывая из-за стола.

– Знаешь, Том, я, пожалуй, пойду. Не могу больше здесь оставаться. – Засунув в карман мамину записку, я выскользнула за дверь, успев заметить, как лицо маминого помощника растеряно вытянулось, а глаза наполнились грустью. Спускаясь по лестнице, я все еще чувствовала, что Том смотрит мне в спину взглядом потерянного щенка. Он любил мою маму как свою старшую сестру – она была его единственной семьей. Мы часто справляли вместе праздники: Нэтки, Томас и моя семья. А теперь все просто развалилось.

Я шагала все дальше и дальше, пока галерея не осталась далеко позади, и остановилась у скамейки в небольшом скверике рядом с ретрокинотеатром.

«Кая, есть очень много вещей, которые я от тебя скрыла, – писала мама. Мое сердце дрогнуло, а по телу пробежали мурашки. Я опустилась на лавочку и, ощущая себя будто в параллельной вселенной, где нет луж под ногами, где в макушку не светит солнце, продолжила читать: – Если ты читаешь это письмо, значит я умерла, а ты стала достаточно умной, чтобы поступить правильно. С тобой начнут твориться ужасные вещи, Кая, и я знаю, как тебе сложно будет сделать то, что я прошу. Нам с отцом удалось вырастить тебя доброй, отзывчивой, решительной девочкой, которая не боится трудностей. Но не бояться мало. Иногда нужно уйти. Иногда, если ты сдаешься, это вовсе неплохо, Кая.

Ты должна уехать из страны, иначе случится что-то плохое. Ты должна отправиться к моему старшему брату. Он сейчас проводит в Румынии исследовательские работы и с удовольствием тебя примет. Его номер находится в моей записной книжке. Ты ведь помнишь дядюшку Пола?..

Кая, пожалуйста, помни, что я люблю тебя. Папа тоже».

Что это такое? О чем она не рассказывала?

Мама не умела хранить секреты и всегда говорила за двоих. Она была милой болтушкой, которую уставали слушать уже на второй минуте. Как она могла долгие годы хранить от меня какой-то секрет и даже сейчас его скрыть?

Она знала о своей скорой смерти, выводя каждое слово прощального письма, и думала, что кто-то станет меня преследовать. Вот только я не поеду ни в какую Румынию, ни к дядюшке Полу, ни к кому-то еще.

Я свернула письмо и спрятала его во внутреннем кармане куртки.

* * *

Когда я вошла в полицейский участок, на мгновение повисла тяжелая тишина, буквально придавившая меня к полу. Я растерянно застыла, но затем направилась прямо в кабинет капитана полиции. Джон Агилар уже ждал меня. Он был лучшим другом моего отца, поэтому, когда я попросила о встрече, он тут же согласился.

– Кая. – Мы пожали друг другу руки, затем Джон кивнул на стул. Я присела, он тоже. – Мой сын сказал, что ты внезапно забрала документы из университета...

– Э-э... да, – замялась я. Повернув голову чуть в сторону, я заметила сквозь жалюзи, как половина участка глазееет на нас сквозь стекло. Джон тоже заметил и, поднявшись на ноги, прошел к окну и дернул за шнурок. Обернулся.

– Не обращай внимания.

Да, меня здесь все знают.

– Ну?.. – Он вернулся за стол, а я продолжила молчать, подбирая нужные слова. Джон Агилар напрягся сильнее, видимо, размышлял о том, как вести себя со мной после случившегося с мамой. Я протянула ему загадочное письмо. Джон внимательно прочел его. Я расслабилась и почувствовала себя увереннее. На секунду показалось, что я сумею во всем разобраться и друг отца мне поможет, но это было до того, как тот произнес:

– Это письмо твоей матери.

– Да, – отозвалась я, вдруг резко осознав, что он не станет воспринимать меня всерьез. Он молчал, так что я решила прояснить ситуацию: – Я нашла его в мамином тайнике, и содержание показалось мне странным. В письме сказано, что мама считает, что ей грозит опасность. Она беспокоится за свою жизнь.

– И за твою тоже, – вставил Джон.

– К чему вы клоните? – Мой голос против воли ожесточился. Джон тяжело вздохнул, мышцы его лица вновь напряглись.

– Кая, тебе не кажется все это странным? Неужели ты считаешь, что если бы Мэгги знала, что тебе грозит опасность, она не обратилась бы в полицию?

В его словах был смысл, но я знала маму. Она сказала, что хранила свой секрет долгое время. Значит, на то были причины.

– Вы не собираетесь проводить расследование? – прямо спросила я. Джон откинулся на спинку кресла.

– Твоя мама получала письма с угрозой?

– Мне это неизвестно. Она отправила меня к своим дальним родственникам, потому что опасалась за мою жизнь.

– Это она тебе сказала? – уточнил Джон, и мне не понравилось, каким тоном был задан вопрос – словно он не считал мою маму вменяемой.

– Нет, она мне ничего не говорила. Я делаю вывод из ее письма.

– Кая, твоя мама... после смерти...

– Довольно! – Я встала, ощущая, как к щекам приливает кровь. Джон тоже поднялся. – Если вы считаете, что после случившегося с нашей семьей мама могла потерять контроль, вы ошибаетесь. Она очень страдала. Не спала ночами и пила таблетки, но она держалась. И подобные фокусы, – я кивнула на письмо, лежащее между нами, – не были в ее стиле!

– Кая...

– Пожалуйста, вы же знаете мою маму. Знали. Вы знали мою маму, поэтому можете понять, что в письме – все правда. Просто послушайте меня!

Несколько секунд он строгим взглядом смотрел на меня, а я на него. Наконец он сдался и тяжело опустился в кресло. Я последовала его примеру, но ноги не слушались.

– Вернувшись из университета на выходные, я увидела свои вещи на пороге дома и поняла, что что-то случилось. Мама сказала, что хочет, чтобы некоторое время я пожила у ее дальних родственников. И в тот же день, когда я уехала, она погибла. Считаете, это случайность? Я – нет.

– Я займусь этим, Кая, обещаю. – Джон вновь сдался. – В свободное время.

На большее я не могла рассчитывать. Он не совсем поверил мне, но начал сомневаться. Если здесь что-то будет, Джон Агилар это найдет.

* * *

Аспен долго всматривался в зеркало, пытаясь увидеть там себя, но не мог прогнать видение. В отражении он видел Сьюзен Смитт, которая училась в школе актерского мастерства. У нее были темные волнистые волосы и зеленые глаза. Но Аспен знал о ней не только это. Он знал все, вплоть до мельчайших деталей. Сьюзен никогда не пьет зеленый чай, не любит спорт, потому что в детстве ушиблась, катаясь на роликах, не любит классику, не любит спиртные напитки. Аспен знал о ней все, потому что Сьюзен была *идеальной жертвой*.

Он умылся и снова посмотрел в зеркало, теперь уже на себя: на свои растрепанные темно-каштановые волосы, на круги под глазами, на татуировку на шее.

– Не пятница, – сказал он себе, – сегодня не пятница.

Эти слова немного успокоили его.

– Аспен, ты что, умер?!

– Уже иду, малышка! – Он фальшиво усмехнулся своему отражению и пригладил волосы.

– Я не малышка, у меня есть имя.

– Ага, – сказал он, стараясь, чтобы голос звучал легкомысленно. Он натянул через голову футболку и вышел из ванной, собираясь в очередной раз все испортить.

Все портить – это он умеет.

– Хочешь чаю? – Он остановился в дверном проеме, встретившись с ней взглядом. Сьюзен покачала головой.

– Аспен, тебя вновь мучают кошмары?

– Прекрати, Сью.

Он хотел предложить Сьюзен прогуляться – Эттон-Крик редко радовал жителей ясным осенним небом и безветренной погодой. Хотел бы с легкой душой отпустить ее, но сегодня Сьюзен не покинет его квартиру. Он посмотрел на нее – худую фигуру в широком свитере и длинной юбке горчичного цвета. Сьюзен кусала внутреннюю сторону щеки, стараясь не показывать тревоги, но морщинка между бровей и пальцы, вцепившиеся в колени, выдавали ее с потрохами. Аспен прочистил горло и уточнил:

– Ты ведь знаешь, что я люблю тебя, да? Я люблю тебя так сильно, что сердце замирает, когда представляю, что с тобой что-то произойдет.

Сьюзен не выдержала и приблизилась. Ее движения были уверенными и плавными. Аспен нравилось смотреть на то, как она ходит, как в ее ногах заплетается юбка, как свитер подчеркивает фигуру.

– Аспен, ты меня пугаешь, – пробормотала она, обнимая его за талию. Он опустил подбородок ей на макушку и крепко обнял за плечи, прижимая к груди. Он чувствовал, как под веками становится жарко, и ненавидел себя за то, что готов заплакать. Несколько минут он слушал ее шумное дыхание, затем отстранил девушку от себя на расстояние вытянутой руки и, не сдержавшись, сморгнул слезинку. Глаза Сьюзен – и без того огромные – стали еще больше, а рот приоткрылся, чтобы выразить протест. Но когда Аспен достал из кармана складной нож, она опустила голову и уставилась на него.

Теперь Сьюзен Смитт знала, что жить ей осталось недолго.

* * *

Дориан нашел меня в парке. Не знаю, сколько прошло времени, не помню, позвонила я или он – может, наткнулся на меня случайно. Он опустился на скамейку, отодвинув в сторону мою куртку, и произнес:

– Кая, пережить утрату непросто, но ты должна постараться. Расскажи мне, что тебя беспокоит.

Подняв голову, я отметила, что часы на руке Дориана показывают полдень.

– Не знала, что ты мой психолог.

Мы встретились взглядами, но Дориан не смутился.

– Иногда я могу побыть твоим психологом, – многозначительно произнес он. Я отвернулась и стала разглядывать мелкие трещинки на асфальте. Мимо в поисках крошек проскакала птичка. Несколько секунд я наблюдала за ней, затем произнесла:

– Я ходила в полицию, – и посмотрела на Дориана, чтобы проверить реакцию. Он был удивлен, как я и ожидала. – Я не верю, что мама погибла из-за несчастного случая. Кто-то желал ей смерти.

Дориан медленно выдохнул и посмотрел прямо перед собой. Я знала, что он делает. Подбирает нужные слова, чтобы доходчиво объяснить, что в случившемся нет ничьей вины.

– Не нужно объяснений, Дориан, – сказала я, глядя на его гладковыбритое лицо. – Ты думаешь, как они. Но я знаю свою мать.

Я не стала рассказывать про письмо. Понятия не имею, почему вообще заговорила об этом. Наверное, чтобы он не беспокоился обо мне и не изматывал себя переживаниями. Пусть знает, о чем я думаю.

Я все еще отчетливо помню, как страдала, когда погиб отец. Ощущала почти физическую боль, будто кто-то сидит рядом и каждый день душит и душит меня. И когда мне казалось, что все – конец, меня внезапно отпускало, а потом вновь накатывало. Было больно потому, что я не могла открыться, ведь маме было хуже. Я часами просила ее выйти из ванной, боялась, что она покончит с собой. И я превратилась в ходячего мертвеца, притворяясь ради нее, что со мной все нормально. И снаружи я подбадривала ее, а внутри постепенно умирала.

Сейчас я не хотела, чтобы Дориан думал обо мне так же, как я думала о маме. Внезапно для себя я вспомнила о Леде Стивенсон и ее проблеме и резко глянула в сторону Дориана, но он был сосредоточен на птичке: кормил ее неизвестно откуда взявшимся печеньем, при этом избегая смотреть на меня.

– Ты не должен переживать за меня, Дориан, – четко произнесла я. Он растрепал волосы – такие же черные, как у меня, отливающие на солнце синевой, словно вороново крыло, и, не оборачиваясь, глухо произнес:

– Да. Ты похожа на своего отца.

Я изумилась:

– Ты знал моего отца?

– Нет. – Он избавился от крошек и отряхнул ладони. – Но я слышал о нем немало. Ты такая же, как он. Сильная.

Я вновь подумала о Леде. Интересно, рассказал ли Ной обо мне своему старшему брату? Даже если Дориан знал о том, что я умерла и затем вернулась, чтобы спасти Леду, виду он не подавал и вел себя естественно. Но если Дориан ничего не знает, тогда откуда все знает Ной, ведь он даже из дому не выходит?..

Птичка привыкла к Дориану и совсем близко подошла к его руке в ожидании угощения. Я вновь подумала о маме. Что, если она точно так же доверилась кому-то, кому не стоило доверять? Были ли у нее враги?

Оказывается, я знаю о ней не так уж и много.

Я должна расспросить Томаса о том, не было ли у нее на работе каких-то подозрительных клиентов. Едва мне в голову пришла эта мысль, я сразу же набрала номер маминого помощника и договорилась о встрече.

После окончания разговора Дориан поднялся и внимательно посмотрел на меня:

– У тебя завтра дела?

– Завтракаю с маминым заместителем.

– Ясно, – кивнул Дориан, ничуть не удивившись и не спрашивая меня зачем.

Он сунул руки в карманы брюк и произнес с энтузиазмом:

– Давай поспешим. Миссис Нэтвик очень обеспокоилась, когда не обнаружила тебя утром в постели. И еще тебя искала Селена. До того, как мы вернемся домой, поговори с ними хоть о чем-нибудь, чтобы они не волновались.

Дориан ушел вперед, а я, словно парализованная, осталась стоять у скамейки, слыша эхо его слов: «До того, как мы вернемся домой».

Он прав: теперь мой дом там, в Эттон-Крик – городе, который, как и обещал Ной, не отпустит меня.

* * *

Миссис Нэтвик вела себя как ни в чем не бывало, будто она не беспокоилась, куда я пропала в такую рань. Однако, несмотря на улыбку на губах, ее глаза были полны затаенной боли – лишнее напоминание о том, что моей мамы больше нет.

Едва я ступила на порог кухни, чтобы поздороваться, она тут же обняла меня и предупредила:

– Скоро будет обед, Кая. Хорошо, что ты успела вовремя.

От нее пахло, как от Ноя, – приправами, и я задержала дыхание, стараясь не дышать тяжелым пряным ароматом. Чтобы скрыться от миссис Нэтвик и ее псевдохорошего настроения и заботы, я поднялась наверх и, прикрыв дверь в комнату, застыла. Пальцы до боли сжали дверную ручку. Какая неприятная неожиданность! На кровати, скрестив руки, сидела Селена. Она не изменилась: выглядела умной и чуточку строгой в очках с черной оправой. Селена неодобрительно поджала губы, заметив мое выражение лица. *Я знаю, зачем она здесь.*

– Селена, – выдохнула я, устало потирая переносицу, – не думаю, что это...

– Что это хорошая идея? – закончила она, подняв брови, отчего ее лицо сильнее ожесточилось. – Я хорошо тебя знаю, Кая, и знаю, что тебе легче отсидеться где-то в темном углу, вместо того чтобы поговорить.

– Я не хочу ни о чем говорить.

– Но ты должна.

Я отрезала:

– Моя мама умерла, кроме этого, у меня нет новостей.

Селена переменилась в лице, и я тут же пожалела, что сорвалась. Несколько секунд потоптавшись на месте, я прошла к кровати и присела рядом.

– Кая... мы можем и не говорить, – сипло произнесла подруга, глядя на свои колени. – Я просто не знаю, как себя вести... – Она посмотрела на меня в поисках поддержки и понимания. – Это все так... странно.

Я прочистила горло и посмотрела в ясные глаза Селены за стеклами очков.

– Да, я предпочла бы не говорить об этом, но... – Я начала ощущать беспокойство, встала, прошла по комнате, отперла дверь и постояла немного на пороге. Вздохнула. Селена молчала, никак не комментируя мое поведение – она знала и о клаустрофобии, и о посттравматическом стрессовом расстройстве. Решившись, я обернулась и тихо сказала: – Я нашла ее письмо.

– Какое письмо? – Она медленно приблизилась, вытянув руки по швам. На лице ровным счетом ничего не отразилось.

– Я нашла мамино письмо. Она просила меня уехать в Румынию.

– Зачем?

– Она боялась, что со мной что-нибудь случится.

– Кая, постой... – Селена вновь сцепила руки, пальцы хрустнули. Глаза расширились от удивления. – Ты хочешь сказать, что твоя мама считала, что вам грозит опасность?

Я кивнула, уже зная, что последует дальше.

– Кая... ты не можешь... – Уголки ее губ опустились, а морщинка между бровей стала еще глубже. – Ты не можешь так думать всерьез... Я тебя знаю, и это не ты, ты бы не цеплялась за такие вещи, ты не такая... – Селена коснулась пальцами моих локтей, и я вздрогнула. – Твой папа всегда говорил, что ты сильная, ну так будь, как он. Просто бери с него пример...

– ХВАТИТ СРАВНИВАТЬ МЕНЯ С ОТЦОМ! – завопила я так громко, что внизу, наверное, миссис Нэтвик подскочила у плиты. Я с треском захлопнула дверь, и Селена вздрогнула и отшатнулась, будто я ее ударила. – Я не мой отец! Он оставил нас, потому что ему трудно было на меня смотреть!..

Приступ нагрянул так внезапно, что я не успела подготовиться – лишь схватилась за ручку двери, желая найти опору. Пальцы скользнули по гладкой поверхности, ноги отнялись, и я почувствовала, как ударилась затылком, когда шлепнулась на пол. Я открывала и закрывала рот, пытаясь вздохнуть, но безуспешно. Откуда-то издали послышался голос Селены:

– Кая, прости! Я не хотела!

Дрожащей рукой я потянулась к карману штанов, но с опозданием вспомнила, что таблеток там нет. Селена подлетела к моей сумке, лежащей под кроватью, нашла контейнер с таблетками и с сосредоточенным выражением протянула его мне. Я проглотила одну и стала ждать.

Прошла целая вечность, когда в ушах перестала гудеть кровь, перед глазами все прояснилось и легкие наполнились воздухом. Дыхание Селены, напротив, стало прерывистым. Она отползла от меня и, облокотившись о спинку кровати и обхватив колени руками, принялась плакать.

– Прости, Кая, я не хотела тебя расстраивать...

Она плакала из-за чувства вины, из-за смерти моей мамы, из-за приступа – все навалилось внезапно. Я покачала головой, не зная, что сказать, еще с трудом соображая.

Некоторое время спустя мне удалось сесть, и я провела ладонью по затылку, чтобы убедиться, что не расшибла голову. Селена наблюдала за мной. Глаза ее покраснели, очки съехали набок, челка была включена.

– Селена, – сказала я медленно, – кто-то убил мою маму.

Мой голос прозвучал неожиданно громко и решительно. Может, поэтому Селена не стала переубеждать меня, а может, потому, что ей просто меня жаль – не имеет значения. Я уверена лишь в одном: моя мама умерла не просто так, кто-то ее убил.

* * *

Леда Стивенсон притаилась в самом дальнем углу студенческого кафе. Втянув голову в плечи, она пыталась справиться с куском рисовой запеканки. Аппетита не было. Она все вспоминала этот ужасный допрос в палате и не могла отделаться от мысли, что детектив Эндрю Дин подозревает ее в убийстве Майи и Ричарда. Леда хотела поскорее покончить со своим обедом и отправиться домой, потому что здесь, среди людей, она чувствовала себя неуверенно. Ей казалось, что кто-то может заметить ее одинокую фигурку и взять на себя роль Майи.

– Эй, давайте! – услышала она гогот за столиком посреди кафе. – Завтра матч, так что не скупитесь! Сыграем!

– Ребята, не здесь! – крикнула, проходя мимо, официантка с подносом.

– Привет. – Леда подскочила, едва не выронив из руки телефон. Она всегда держала его поблизости, чтобы в удобный момент притвориться, что набирает кому-то сообщение. – Я присяду?

Леда подняла голову и увидела напротив себя Сьюзен Смитт. Леда почти не боялась ее, но подсознательно ожидала подвоха, опасаясь, что за добротой кроется нечто большее. Доброта не бывает беспричинна. Потом всегда следует что-то ужасное.

– Все места оказались заняты, – объяснила Сьюзен, пододвигая к себе тарелку с чизбургером и огромный стакан воды. Леда натянуто улыбнулась, поерзав на сиденье. Сьюзен ответила ей добродушной улыбкой и принялась за еду.

Минуты для Леды превратились в пытку. Она больше не была голодна и придумывала, как лучше выскользнуть из-за стола. Что сказать и каким тоном? Встать просто и уйти будет невежливо.

– Все нормально? – спросила Сьюзен, убирая с глаз волосы. Леда собиралась ответить, что да, все нормально и ей срочно нужно домой, но взгляд упал на огромный синяк на запястье Сьюзен.

– Ох, тебе не больно? Здесь огромный синяк!

Сьюзен натянула рукав почти до самых кончиков пальцев, покачала головой и улыбнулась:

– Нисколечки. Я все время ударяюсь о кровать, когда выхожу из комнаты. Я ужасно неуклюжая.

Леда Стивенсон притворилась, что у нее не возникло вопроса, как можно удариться о кровать запястьем. Она не знала, что еще сказать и о чем вообще говорить, чтобы нарушить тягостное молчание, но тут внезапно услышала мужской голос, полный облегчения:

– Малышка!

Второй раз за несколько минут Леда Стивенсон подскочила и напряглась от дурного предчувствия. Она знала, кому принадлежит этот голос, – нахальному и самоуверенному парню по имени Аспен. Он выглядел как отпетый хулиган, все время ходил в черном и вызывающе себя вел. Он настораживал Леду, если не приводил в ужас. Она всегда старалась держаться от таких парней подальше. Чего стоит только непонятная татуировка на шее.

– Я ведь говорила, Аспен, – зашипела Сьюзен, бросив извиняющийся взгляд на Леду, – у меня есть имя.

– Прости, – без сожаления отозвался он, усаживаясь за их столик. Леда вся сжалась, каждая мышца в хрупком теле приготовилась к атаке. Но тут Аспен улыбнулся, заметив ее, поздоровался и через секунду потерял к ней интерес. Леда с облегчением вздохнула – она не привыкла, что с ней ни с того ни с сего начинают заговаривать посторонние. Люди предпочитали не замечать ее.

Они принялись обсуждать свои планы на выходные, и при этом Аспен не выглядел довольным. Леда тем временем украдкой рассматривала его: длинные ноги в черных джинсах, ботинки, потрепанная кожаная куртка, татуировка на шее, волосы коньячного цвета. Стараясь не пялиться, она все же заметила, что у него покраснели глаза, и вспомнила сплетни, что у Аспена можно достать наркотики. Может, это он не рассчитал силу и так схватил Сьюзен, что оставил на запястье синяк? А что, если у нее стокгольмский синдром?

– Леда.

Она подскочила, опрокинув свой пустой стакан. Аспен как ни в чем не бывало поднял его, но вежливо спросил:

– Ты в порядке?

– Эм... да. Да, все нормально.

– Точно все хорошо? Ты побледнела.

– Да, я...

– Подвезти тебя? Я на машине, могу подвезти.

Леде показалось, что ее сейчас стошнит от страха. Что, если Аспен хочет ее похитить и убить? А Сьюзен для него лишь прикрытие? Не похоже, чтобы она его боялась, но ведь это чувство она могла подавить в себе за годы издевательств.

– Леда? – Сьюзен накрыла руку девушки своей ладонью.

– Да, хорошо. – Она едва сдержалась, чтобы не поежиться, и поднялась из-за стола, делая вид, что не заметила, как озадаченно Аспен посмотрел на Сьюзен и каким хмурым взглядом та ему ответила. Леда закуталась в шарф и неуверенно пошла следом за Аспеном, ощущая рядом плечо Сьюзен. Чувство было такое, словно девушка решила взять Леду под свое крыло, как беззащитного птенчика. Конечно, в университете они вновь перестанут ее замечать, но это и к лучшему. Когда люди тебя напрочь не видят, они не доставят никаких проблем. Они не обидят, не ударят, не ранят словами. Они будут проходить мимо, ведь ты невидимка.

– Эй, машина здесь!

Леда обернулась и, покраснев от смущения, поспешила назад к музыкальному магазину, где ее ждали ребята – погруженная в размышления, она не заметила, что оставила Сьюзен и Аспена позади.

Они свернули в переулок, сделали еще несколько шагов и остановились перед сверкающей в лучах осеннего солнца новехонькой машиной. Сьюзен распахнула перед Ледой дверь, жестом приглашая сесть. Девушка поблагодарила и забралась на заднее сиденье, все сильнее чувствуя себя не в своей тарелке.

Наверное, решила Леда, Аспен не только принимает, но и продает наркотики, чтобы зарабатывать на пропитание и такие дорогие вещи.

Она глянула под ноги, затем украдкой осмотрела салон. Пахнет лимоном, чисто, нет ни бумажек, ни мусора, даже не чувствуется запах сигаретного дыма. *Может, Аспен и не курит, а делает кое-что похуже...*

Он сел за руль, на соседнее сиденье забралась Сьюзен. Их руки тут же соединились, словно Аспен и Сьюзен были двумя магнитами, которые не могли существовать по отдельности.

Может, он вовсе не такой уж и плохой?..

Машина с тихим гулом тронулась с места, и Леда, немного расслабившись, отвернулась к окну. Она старательно разглядывала Эгтон-Крик и заговорила лишь один раз, когда Аспен спросил адрес ее дома. Сьюзен попыталась втянуть Леду в непринужденный разговор, но, наткнувшись на глухую стену молчания, сдалась.

Несколько минут прошли в относительной тишине, а затем Леда наострила уши, услышав едва различимый шепот Сьюзен:

– Аспен, пожалуйста. Прекрати. Давай обсудим это потом. Обещаю. Честно-честно.

Леда вытащила телефон из кармана и уткнулась в экран.

– Нет, Сьюз, просто пообещай. Тебе ничего не стоит остаться сегодня у меня. Давай. Это несложно. Я буду вести себя хорошо. *Честно-честно.*

– Аспен, – зло зашипела она. – Не сейчас.

Леда до боли в пальцах сжала телефон, притворяясь, что пишет сообщение воображаемому другу.

* * *

Мне снилось, что я смотрю с мамой старые серии «Закона и порядка». Она сидит на диване рядом, вцепившись обеими руками в миску с попкорном, и широко открытыми глазами смотрит на экран. По ее молодому лицу бегают тени, иногда замирая на скулах и веках.

– Вот это да... – бормочет она.

Никогда не понимала, для чего она смотрит эти вещи. Почему не романтические комедии или не мультики? Мама – воздушная и легкая, будто безе, так *что именно* привлекает ее в фильмах ужасов и детективах? Мне этого не понять. Наверное, потому что моя жизнь сплошной кошмар, и я не хочу смотреть на его отголоски по телевизору. На самом деле я не смотрю телевизор. В *реальности* не смотрю, а сейчас – да. Потому что у меня такое ощущение, будто это шанс попрощаться с мамой. Вот я и сижу, не возмущаясь, ничего не говорю, только смотрю на нее, потому что знаю, что другого шанса уже никогда не будет.

Проснулась я, когда солнце едва взошло с мыслью: *«Ты в параллельной вселенной, Кая»*. Душа стонала, бунтуя против повседневных вещей. Действительно, было ощущение, будто я в другом мире. словно так и нужно – просыпаться и ложиться спать, принимать душ и спускаться к завтраку.

Пока я готовила зеленый чай, глаза с невероятной силой резало от боли. В ушах, сквозь шум закипающего чайника, слышались мамины слова из сновидения: *«Кая, все не так. Ты не веришь, что задачка, которая внезапно перед тобой возникла, может иметь самое простое и незамысловатое решение. Везде ищешь подвох, как и твой отец»*.

Я зажмурилась.

«Правда на поверхности. Все может оказаться проще, чем ты думаешь».

Это значит, что я ищу то, чего просто не существует? Просто выдумываю?

Нет. Мамино письмо. Оно реально. Как и мое предчувствие. Я верю этому. *Я верю себе*.

Мои хаотичные мысли прервал телефонный звонок. Я достала мобильный из кармана штанов и тут же ответила.

– Кая, доброе утро. Это Джон Агилар.

Он мог и не представляться. Я знаю этого человека с пяти лет, и сейчас от его хриплого голоса меня будто холодом обдало. Не имеет значения, что он скажет, – все плохо.

– Что вы узнали? – Я посмотрела в окно на чудную утреннюю погоду. Небо было ясным. Погода понемногу начинала раздражать, ведь это так несправедливо, когда люди могут радоваться сентябрьскому солнцу, а я нет.

– Это письмо написала твоя мать. – *Он это серьезно?* — Ее не принуждали, и действовала она по собственной воле.

– И? – Я с силой вцепилась в кухонный стол. Костяшки пальцев побелели так сильно, что стал заметен шрам на ладони.

– Но у нас нет причин начинать расследование, Кая, – торопливо сказал Джон. – Произойшла утечка... это была случайность...

Он еще что-то произнес, но я не могла слушать этот вздор. Сдержанно попрощавшись, я сбросила вызов и оторвала руки от стола. Пальцы в ту же секунду заболели, под ложечкой неприятно засосало.

Я ищу загадку там, где ее нет? Ищу ответ на вопрос, который даже не прозвучал?

От неприятных мыслей начали дрожать руки, и я поспешно достала из кармана контейнер с таблетками. Покрутила его в руках, в надежде, что дрожь пройдет. *Ну же! Я не могу быть такой слабой!*

Я налила воды в стакан.

Прекрати дрожать, Кая! Немедленно!

– Кая? – На мое плечо опустилась рука, я сильно вздрогнула и пролила на себя воду. Обернувшись, встретилась с виноватым взглядом Дориана, полным сожаления. Он вновь думает, что я не в себе. Я прочистила горло и произнесла:

– Приготовить тебе завтрак?

Его лицо вытянулось, а беспокойство в глазах сменилось предвкушением:

– Серьезно? Ты умеешь?

– Только сменю рубашку. – Я решительным шагом направилась в свою спальню наверх, по пути размышляя о разговоре с Джоном и о том, что все буквально твердят, что мама погибла случайно. *Просто потому, что забыла закрыть газ!*

Переодевшись, я спустилась вниз и обнаружила Дориана сидящим за столом. Его руки на столешнице, пальцы переплетены, в карих глазах насмешка, а на щеках едва заметные ямочки.

– Не улыбайся, – предупредила я. Он подпер щеку рукой.

– Ты же знаешь, что я живу с Ноем, верно?

– Имеешь в виду, что тебе есть с чем сравнивать?

– Нет, просто не клади в яичницу сахар.

Я улыбнулась.

– Предупреждаю: у меня не такие грандиозные кулинарные способности, как у твоего брата, так что не ожидай многого.

– От тебя можно ждать чего угодно, – произнес Дориан, и хоть это и прозвучало многозначительно, я сделала вид, что не заметила. Мне снова стало интересно, знает ли Дориан о том, что со мной случилось в университете. Он должен знать, ведь после приступа именно он забрал меня из больницы. Но Дориан ни о чем не спрашивал, не задал ни единого вопроса! Наверное, ждет, пока я сама доверюсь и решу обо всем рассказать.

Я поставила перед ним дымящуюся тарелку с яичницей и тостом и кружку с кофе. Дориан выпрямился и, вытаращив глаза в притворном удивлении, воскликнул:

– Я еще не пробовал твою стряпню, но судя по запаху, это божественно!

– Уверена в этом, – кивнула я, криво улыбувшись. *Жаль, что у меня нет чувства юмора.*

Я сделала глоток чая, который уже остыл и отдавал горечью, и покосилась на часы. Дориан тем временем копался в своей тарелке и даже не смотрел на меня, но, тем не менее, он спросил:

– Куда-то собираешься?

Я перевела на него взгляд, внимательно изучая. Почему он притворился, будто не помнит о том, что я рассказала ему вчера о своих подозрениях и о предстоящей встрече с Томасом?

Решив не увиливать, я сказала:

– Я собираюсь встретиться с маминим помощником. Я говорила вчера.

Наконец-то Дориан поднял голову и одарил меня одним из своих редких пронизательных взглядов.

– По делам или просто так?

– По делам, – спокойно ответила я, но взглядом предупредила, чтобы он больше не задавал вопросов. Как и следовало ожидать, пронизательный Дориан равнодушно повел плечом, в точности как Ной, и вернулся к завтраку. В тоне его голоса проскользнула смертная скука:

– Главное не забудь, что мы сегодня уезжаем.

– Не забуду. Я вернусь до обеда.

Глава IV

Жестокие люди

В школьные годы мои одноклассники просто обожали кафе «Дьявольские врата». Я бывала здесь редко. В основном потому, что не находила общий язык с ребятами из школы и общалась только с Селеной и Лили, а они предпочитали проводить время дома. Сейчас мне пришлось прийти на встречу с Томасом именно сюда, и когда я ступила на порог, ощутила всепоглощающую пустоту. После школы я ни разу здесь не была, и хоть это место не изменилось, я изменилась очень сильно.

Не глядя по сторонам, я прошла к свободному столику в дальнем углу кафе и опустилась на стул. Отсюда осмотрела зал в поисках знакомых лиц. К счастью, никого. Я обернулась и увидела все те же полки с цветочными горшками от пола до потолка, которые почему-то напомнили о Ное.

Через минуту я заказала две кружки чая и тосты, чтобы задобрить Томаса, ведь ему не понравятся мои вопросы, и еще через пару минут он наконец-то вошел. Темное помещение, освещенное безвкусными лампами, ожило.

Я подняла руку, но Том будто знал, куда смотреть, и, держа в руках какой-то громоздкий предмет, направился к моему столику.

– Что это? – Я не смогла скрыть изумления, когда мамин помощник, с облегчением фыркнув, поставил на столик здоровенный кактус и отодвинул его к окну.

– Это кактус Маргарет по имени Бен. Я еле дотащил его, чуть руки не оторвались. – Том замолчал, когда подошла официантка, и заговорил вновь, лишь когда она ушла, оставив на столе заказ. Он уставился на тосты голодным взглядом.

– Приятного аппетита, – сказала я, и он плюхнулся на стул. В прошлый раз Том не казался мне таким худым и болезненным: щеки ввалились, глаза стали тусклыми и безжизненными. Он почему-то напоминал только что вылупившегося птенца, выпавшего из гнезда: тонкая длинная шея на худых плечах, нервно ходящий вверх-вниз кадык, да еще эти мешки под глазами...

– Спасибо, – произнес он. Не знаю, за заботу или за встречу. – Бена я принес тебе. Твоя мама очень любила его.

Ну да.

Том набил рот хрустящими тостами и, изображая вежливое любопытство и делая огромные глотки чая, принялся осматривать кафе. Я все ждала и ждала, когда он прожует и озвучит то, что его тревожит, но Том избегал смотреть в мою сторону, и я поощрила:

– Давай, Том, говори.

Он замер, затем опустил кусок тоста на тарелку и посмотрел на меня. Молчание длилось еще минуту. Том будто ждал, что я прочитаю его мысли, которые его терзают. Наконец, когда молчание стало невыносимым, он опустил взгляд и пробубнил:

– Прости. Я не... это чертовски неподходящее время! О, черт...

Я испугалась, что он вновь замкнется, и сказала:

– Продолжай.

– Кто-то должен взять на себя руководство, – выпалил он на одном дыхании, вытаращившись на меня. – Галерея. Кто-то должен позаботиться об этом.

Я едва успела взять себя в руки. Страх охватил так резко, что мне пришлось вцепиться ногтями в ладони, чтобы не вскочить и не спрятаться в туалете. *Еще одно напоминание, что мамы нет.*

Я на несколько секунд задержала дыхание, потом осторожно выдохнула и спокойно произнесла:

– Мамина галерея – это ее жизнь, ты ведь знаешь. – Том участливо кивнул. – Я абсолютно не разбираюсь в искусстве, поэтому делом должен заняться кто-то знающий. Например, ты. Думаю, мама одобрила бы это. Ты почти как член семьи, Том. Даже нет, ты действительно мне как старший брат. И ты ведь ее заместитель... Будет глупостью, если я сама стану заниматься всем этим.

– Ты... ты серьезно? – От удивления у него отвисла челюсть. Он закашлялся и сделал глоток, потом подозвал официантку и попросил принести кофе, хотя я бы ему посоветовала выпить зеленого чая. – Ты же не серьезно?

– Почему?

– Потому что! – воскликнул он, возбужденно подпрыгнув на стуле. Теперь он выглядел, как взбудораженная сова, которую разбудили среди бела дня.

– Я уже привела тебе свои аргументы. А «потому что» вовсе не аргумент. Давай, Том. Ты уже много лет знаком с этим делом. Ты со старшей школы работаешь у мамы, так что разбираешься в делах лучше меня. Ты и сам знаешь...

Он помолчал, затем ответил:

– Ладно, это вполне разумно. Я буду составлять отчет каждый месяц, как твоей матери.

«Как твоей матери», – повторила я про себя. Это она должна быть на моем месте. Я не хочу, чтобы Том видел во мне ее, чтобы забыл о том, что она была хозяйкой галереи.

Тосты, за которые Том схватился с прежним рвением, хрустели еще оглушительнее. Мое сердце бешено колотилось. Было тревожно, но причин я понять не могла. Чтобы отвлечься, прислушалась к скрипу стульев слева от себя, где за соседний столик опустились три женщины.

– Бедные Эллиссы, – произнесла одна, и вторая поддакнула:

– Да! Мне искренне жаль!

– Бедный мальчик. Зачем он пошел в библиотеку так поздно?..

Я посмотрела на Тома, и он в ответ улыбнулся. Очевидно ощутил облегчение, после того как поставленный им вопрос был решен. Я вновь подождала, когда он прожует, чтобы задать собственные вопросы.

– У мамы были подозрительные клиенты?

– Клиенты?

– Ее кто-нибудь преследовал? Она не вела себя странно?

Том нахмурился.

– Кая... – Он отодвинул в сторону тарелку и склонился ко мне, будто не хотел, чтобы нас подслушали. – Зачем это тебе?

– Я просто хочу знать, с кем она встречалась перед тем, как... все это произошло.

Он долгое время молчал. Наверное, пытался подобрать слова, чтобы успокоить мое разыгравшееся воображение. Вижу по глазам: он думает, я слетела с катушек.

– Нет, – наконец он вынес вердикт. – Я не помню, чтобы ее кто-нибудь преследовал. В последние дни она ни с кем не встречалась.

– Совсем ничего странного? – Я ощутила легкое разочарование.

– Да, – подтвердил Том, вновь пододвигая к себе тарелку. – Нет, вообще-то есть кое-что. Она уезжала каждую пятницу. Не знаю, куда и зачем. Просто уезжала и возвращалась в понедельник. Я никогда ни о чем не спрашивал, потому что чувствовал, что вразумительного ответа не получу, да и беспокоиться было не о чем...

Беспокоиться не о чем? Куда она уезжала? Как давно это продолжалось? С каких пор?

– Как долго это длилось?

Том на мгновение задумался, пожал плечами.

– С тех пор, как я приехал.

Я отшатнулась, чувствуя мурашки на теле.

Том переехал в наш город лет сто назад. Здесь он окончил школу и университет. Он работал у моей мамы очень и очень давно – я была еще маленькой.

В кафе стало темнее, напользали тени; музыка, доносившаяся из колонок над барной стойкой, стихла.

Как это могло случиться? Как я могла не обратить на это внимания? Моя мама куда-то уезжала почти каждую неделю на три дня, а я и не заметила? *Потому что она часто оставалась ночевать в галерее. Или я думала, что она в галерее. Я лишь однажды полюбопытствовала и получила развернутый рассказ на полтора часа. Она знала, что я больше не стану терять время и задавать вопросы.*

Мама знала меня очень хорошо. А я ее нет.

Я осушила чашку с остывшим чаем и сосредоточила внимание на Томасе. Он уже сказал, что не знает, где она проводила время, но я все равно хотела переспросить. Спрашивать до тех пор, пока не услышу нужный мне ответ.

Я запаниковала. *Я помню.* Миссис Нэтвик. Сколько раз я оставалась у миссис Нэтвик? Очень часто. Почти каждую неделю.

– Кая, тебе плохо?

Что мама делала? Куда ездила? Она ушла и оставила после себя лишь секреты. А я даже не предполагала, что она способна умолчать хоть о чем-то банальном, вроде сюрприза на день рождения.

Я должна выбросить из головы эти мысли. Что я плохая. *Плохая дочь, которая не смогла уберечь свою маму.* А вот она смогла уберечь меня. Она хранила какой-то секрет так старательно, что я даже не подозревала о том, что мамочка-болтушка может что-то скрывать. Она ведь просила меня обращать внимание на детали. Я их игнорировала. *Теперь не стану.*

* * *

Я на ватных ногах пересекла лужайку и вошла в дом миссис Нэтвик. Сумка оттягивала плечо, словно весила тонну, руки отваливались под тяжестью гигантского кактуса, в голове крутились всяческие вопросы. Ступив на порог кухни, я тут же окунулась в аромат печеных булочек с корицей и увидела миссис Нэтвик в уродливом фартуке с вышитой на нем утиной головой. Она достала противень из духовки и обернулась, услышав мои шаги.

– Кая, дорогая, ты как раз к обеду. А это откуда? Этот кактус... – Миссис Нэтвик выпрямилась, внимательно глядя на меня. На ее лице отразилось беспокойство. – Дорогая, что-то случилось?

– Где Дориан? – Я поставила кактус на стол и направилась к раковине, чтобы вымыть руки. Миссис Нэтвик отодвинулась.

– Он отправился по каким-то своим делам.

По каким делам? Он даже не знает города.

– А Селена?

– В магазине, – с готовностью отозвалась миссис Нэтвик. Она выглядела намного лучше, чем вчера, но ее губы все еще подрагивали, а веки были красными и припухшими. Она вновь спросила: – Кая, что-то случилось?

– Нет, все хорошо. Вам нужна помощь?

– О. Я собиралась приготовить имбирный чай к десерту. Вон корень имбиря, промой его, пожалуйста, и нарежь.

– Хорошо. – На негнущихся ногах я двинулась к столу. Словно во сне промыла и нарезала кусочками имбирь, затем бросила в кастрюлю. Миссис Нэтвик изредка кидала на меня взгляды. Как же начать разговор? У меня начисто отсутствует чувство такта – еще одна причина, по

которой меня сравнивают с отцом, – но я не хочу давить на миссис Нэтвик. Она не в порядке. Да и я тоже.

Никаких идей не было, а время шло, поэтому я сдалась и обернулась. Миссис Нэтвик стояла ко мне спиной, нарезаая куски ароматного пирога.

– Будет очень вкусно! – похвасталась она, будто почувствовав мой взгляд.

– Мама не была в последнее время встревоженной?

Миссис Нэтвик замерла. Ее плечи напряглись, и, несмотря на то, что я не видела ее лица, была уверена, что на нем отразился испуг. Я облокотилась о стол и скрестила руки на груди.

– Что происходит?

Словно в замедленной съемке женщина обернулась – я бы успела отсчитать несколько секунд – и сморгнула две огромные слезинки. Мой желудок в ту же секунду сжался от дурного предчувствия, я отделилась от стола и сделала к миссис Нэтвик несколько шагов.

– Что случилось с мамой?

Она выронила из руки лопаточку и прикрыла ладонями лицо, чтобы скрыть слезы, но я уже до смерти испугалась. Мышцы живота так сильно напряглись, что стало больно, кулаки против воли сжались.

С мамой что-то происходило. *Я знаю это.*

– Что это, миссис Нэтвик?

* * *

Леда Стивенсон жила рядом с Криттонским парком в большом двухэтажном доме с садом и качелями на заднем дворе. Даже из своей спальни наверху, если, конечно, было открыто двухстворчатое окно, она слышала бурлящую реку, пересекающую город ровно посередине. Сегодня в доме не было ни звука. Он затаил дыхание, как и Леда, прячущаяся в своей комнате в шкафу. Даже заперев все окна, загородив столиком дверь в спальню и забравшись в шкаф, Леда по-прежнему не чувствовала себя в безопасности. Сердце глухо билось, причиняя боль, но она не издавала ни звука, зажав обеими ладонями рот. Она почувствовала, как по пальцам скатываются слезы, и тихонько втянула носом воздух. В висках монотонно стучало: *«Только не это... только не это... только не это».*

Леда прижала колени теснее к груди и убрала ладони от лица, осторожно вздыхая. Попыталась проанализировать свое поведение, но уже не верила себе. За ней действительно кто-то следил, когда она возвращалась домой? Она *действительно* видела странного человека на дороге или это воображение сыграло жестокую шутку?

«Тетя Лаура, где ты?» – мысленно позвала Леда, бесшумно отползая в глубь шкафа и опираясь на коробки с игрушками. Она хотела, чтобы тетя вошла в комнату и заверила, что человек с дороги даже не ступит на порог дома.

В щель между дверцами Леда напряженно наблюдала за комнатой. Она видела кровать с розовым покрывалом, белые занавески на окнах, винтажный комод с сидящими на нем фарфоровыми куклами. В доме было тихо, лишь по закрытым окнам колотил дождь, разбиваясь о стекло на миллион капель.

Леда Стивенсон давно привыкла к мерзкой погоде Эттон-Крик, но сегодня почувствовала раздражение и панику – из-за шума дождя не было слышно, что происходит вокруг.

«Я будто оказалась в деревянном ящике под землей», – подумала Леда, вздрогнув. Она настороженно вслушивалась в шепот за стенами шкафа, пока не услышала что-то, кроме тяжелого стука дождевых капель, – скрип половиц. Кто-то поднимался наверх. Половицы прогнулись, замерли, вновь застонали. Когда кто-то направился в сторону Леды и остановился, она затаила дыхание. Страх, тишина, предчувствие неминуемой гибели сковали ее в липкий кокон,

и когда уже не было сил выдержать боль в раскаленных легких, она тихонько выдохнула, стараясь не нарушать зловещее молчание, и попыталась сесть поудобнее.

В ту секунду, когда Леда Стивенсон переместила вес с левого бедра на правое, дверь комнаты неожиданно сотряслась от яростных ударов. Леда завизжала, позабыв о плане быть тише воды, отпрыгнула назад и упала на спину. Она зажала уши руками, но стук не прекращался. Столик, служивший препятствием у двери, рывком отъехал к стене, и Леда вздрогнула, услышав, как на пол опрокинулась лампа.

Тяжело дыша, она прижалась к огромному плюшевому медведю, погребенному среди сотни других детских игрушек в самом дальнем углу шкафа, и приготовилась к порции боли. Вдруг дверь распахнулась, щедро плеснув на девушку потоки бледно-желтого света.

– Леда! Леда! **ЛЕДА!**

В ее сознании все перепуталось; она продолжала звать на помощь, прикрывала голову руками и лягалась ногами. Затем кто-то схватил ее за обе руки и вытащил из недр шкафа наружу.

– **ЛЕДА, ЭТО Я, ЛАУРА! ТВОЯ ТЕТЯ!** – Женщина потрясла испуганную до смерти племянницу за плечи, и та замерла, подняла голову и посмотрела на искаженное от ужаса тетино лицо. – Что случилось? Почему ты пряталась в шкафу?

Леда схватила ее за плечи, боясь упасть, ткнулась носом в шею, закутанную в мягкую шаль. Превозмогая непонятно откуда взявшуюся боль в лодыжке, Леда попыталась объяснить, как кто-то преследовал ее от университета до самого дома. Тетя бережно вытирала ее пунцовые щеки, приглаживала встрепанные белые волосы, клялась, что отныне Леда будет в безопасности. Она уложила ее в постель, поправила подушки и разгладила покрывало.

– Ты все еще дрожишь, милая.

Глаза Леды вновь увлажнились, и, набрав полные легкие воздуха, она повторила попытку объяснить случившееся. Ей обязательно нужно было доказать, что она испугалась не просто так, что за ней *действительно* кто-то шел.

– Я знаю, вы не любите, когда я запираю двери...

Тетя Лаура была ошеломлена; она не могла отвести взгляда от пальцев, которые Леда сжала так крепко, что те побелели от напряжения, не могла перестать думать, что еще секунда – и раздастся характерный для сломанных костей хруст.

Она смотрела на эти пальцы и представляла, как ее маленькая крошка выбирается из перевернутой дымящейся машины, дезориентированная и напуганная, тянет собственное тело вперед, раня об асфальт кожу, зовет на помощь...

– Леда, – сказала тетя Лаура серьезно, – я не позволю кому-то причинить тебе боль. Никогда. Не в твоём собственном доме. Милая, давай я проверю все окна, договорились? И приготовлю бульон. Может быть, ты хочешь чего-нибудь особенного? Вчера я купила горю мороженого, хочешь попробовать?

Дождавшись утвердительного кивка, тетя Лаура ушла, оставив дверь открытой, и вернулась через десять минут вместе с горячим чаем и пирожками. Она предупредила, что бульон будет готов позже, и поставила поднос на ночной столик, который вернулся на законное место у кровати.

Леда хотела отплатить тете за искреннюю заботу, поэтому, прихлебывая чай, расспросила ее о работе в больнице. Тетя Лаура отвечала охотно:

– Не волнуйся, милая, все хорошо. Большинство медицинских записей уже восстановлено, но нам предстоит еще много работы. После смерти твоего папы... – Она сделала паузу. Лаура вспомнила, как в больнице у Леды случился приступ, но в этот раз ничего страшного не произошло, и после секундной заминки она продолжила: – Хоть пожар в больнице и случился два года назад, за это время восстановили только часть карт и кое-какие документы. И... так как твой отец курировал этот процесс... работа немного приостановилась. Мне придется

остаться в ночную смену, – добавила она без предупреждения, и на лице Леды застыла равнодушная маска.

«Тетя Лаура перестанет мне доверять, если я попрошу ее остаться дома или взять меня с собой», – напряженно подумала она, а затем постаралась улыбнуться, но улыбка вышла болезненной.

– Все нормально, так вам было бы легче адаптироваться и привыкнуть к новому коллективу. Да и к тому же они любят работников, которые остаются на ночь.

А что еще она могла сказать? Закричать *«не бросайте меня, я боюсь оставаться в одиночестве»?*

– Я не хочу оставлять тебя одну.

Сердце Леды забилося в предвкушении: возможно, ей не придется ни о чем просить – тетя сама все предложит. Но она взяла себя в руки и твердо сказала:

– Мне давно не пять лет. Я буду всю ночь смотреть сериалы. Испеку для вас пирог, – добавила она первое, что пришло в голову. *Сериалы? Пирог? Тетя Лаура не поверит, да и с чего бы? Она совсем недавно попала в аварию, в которой погиб отец, а потом попыталась убить себя.* Но Леда Стивенсон вздохнула, убрала пустую кружку на столик, наклонилась вперед и взяла женщину за руки.

– Извините, что напугала. Но вы не можете всю ночь сидеть со мной. Я даже не уверена, что именно видела на самом деле. Возможно все дело в погоде. И в том, что недавно случилось. – Она выдавила улыбку, словно в том, что случилось десятого сентября, было что-то смешное. Ненадолго повисло молчание, потом тетя Лаура погрозила Леде пальцем и решительно поднялась.

– У тебя огромные способности к убеждению! Но позже мы вновь вернемся к этому вопросу. А сейчас я иду вниз готовить ужин. Никуда не уходи.

Тетя Лаура слишком часто повторяла эту дурацкую фразу, а сейчас Леда хотела услышать кое-что совсем другое. Она хотела знать, что ей верят, что в *нее* верят. А вдруг тетя Лаура лишь притворилась, что понимает?

Одoleваемая сомнениями, Леда Стивенсон выбралась из кровати и на цыпочках спустилась вниз. В доме было холодно, и когда Леда сбежала по деревянным ступеням, она совсем замерзла. Съежившись, как персик, оставленный на солнце, Леда сжала себя руками крестнакрест и подошла к кухонной двери.

Она обомлела, услышав голос тети Лауры из чулана, где хранились варенье, соки и компоты.

– Майк...

Леда на цыпочках подкралась к коричневой двери чулана, дрожа от нервного возбуждения. Пространство кухни осветилось молнией, послышался гром.

– Я очень боюсь, Майкл. Она сказала, что за ней кто-то следит. Кто знает, сколько это длится? Я так больше не могу! Я не хочу, чтобы это затронуло ее, знаешь ведь, сколько ей пришлось пережить...

Раскат грома заставил Леду вздрогнуть, но она судорожно вздохнула и расслабилась – ей верят, в *нее* верят.

* * *

Один. Два. Три.

Я поднимаюсь, опускаюсь...

Пол в моей новой комнате в особняке Харрингтонов пах пылью и еще чем-то едва уловимым.

Поднимаюсь, опускаюсь. Снова и снова.

Половицы были старыми, потертыми, я их вдоволь изучила, пока отжималась.

Мышцы на руках напряжены до предела. Еще один раз. Еще. Один. Раз.

– Леда, я должна рассказать тебе кое-что... – пробормотала я хриплым от напряжения голосом. На лбу выступил пот, но я поднялась и опустилась, сгибая и разгибая локти, и на мгновение замерла, контролируя дыхание.

Фух!

– Я должна кое-что тебе рассказать... – Я снова опустилась. – Только это прозвучит немного странно...

– И часто ты говоришь сама с собой? – В дверном проеме моей комнаты возник Ной, и я не выдержала напряжения в руках и шлепнулась грудью на ковер. Перекатилась на спину и сложила руки на животе.

– Никто не позволял тебе входить, – тяжело выдохнула я, глядя в белоснежный потолок с люстрой-цветком. Моя грудь резко вздымалась и опадала, руки были будто чужими.

– Если хочешь уединения, закрывай дверь, – парировал Ной, и я бросила на него взгляд. Снизу он выглядел даже выше. Он скосил на меня глаза, ожидая возражений.

– Что тебе нужно, Ной? – Я поднялась и двинулась к шкафу за спортивной курткой. Голова немного кружилась от недостатка сна, поэтому я на мгновение застыла и прикрыла веки, дожидаясь, когда пульсация в висках прекратится. Ной вошел в комнату: я почувствовала его бесшумные шаги по ковру, которые затихли у моего письменного стола.

– Ты все еще злишься на меня за то, что я не поехал с тобой на похороны?

– Мне все равно, чем ты занимаешься и куда ходишь, Ной. – Я обернулась, рывком накидывая куртку. Пришлось поднять голову, чтобы встретиться с ним взглядом. – Главное, чтобы все это происходило не в моей комнате.

– Я буду ходить там, где захочу.

Я выглянула в окно. Светает. Почему Ной не спит? Не похоже, чтобы он решил сделать разминку. Наверное, сон у него пропал по пути к холодильнику, и он решил зайти и немного поддразнить меня.

Я снова встретилась взглядом с глазами-льдинками и спросила:

– Хочешь, чтобы я заплатила за аренду комнаты? Хорошо, но больше не смей сюда входить. – Я достала из шкафа кроссовки для бега и вышла. Ной бросился за мной:

– Кая, это не то, что я имел в виду. Почему ты такая жестокая?

Я спустилась по деревянной лестнице и подошла к двери на улицу.

– Кая. – Ной остановился слева от меня, когда я присела и обула кроссовки. Он продолжал нависать будто башня, пока я туго затягивала шнурки. – Я ведь объяснил тебе ситуацию, не злись. У меня солнечный дерматит, я не могу выходить на улицу, я...

– Я знаю, что это такое, – перебила я, выпрямляясь. – Что заставляет тебя думать, что я злюсь? Я лишь попросила не входить в мою комнату без спроса. Тебе кажется это странным?

Ной растерянно уставился на меня, и я подождала несколько секунд, пока он что-нибудь сообразит. Он ничего не сказал, поэтому я вышла и сбежала по каменным потрескавшимся ступеням вниз. Воздух был отчаянно холодным. Я выдохнула облачко пара, удивляясь погоде. Затем отбросила все мысли и направилась к заднему дворику позади дома. Прямо за стенами, в паре сотен метров от забора, начинался лес. Он сиял в лучах утреннего солнца, такого же холодного и отчужденного, как и все в этом городе.

Я быстро зашагала, приближаясь к калитке. Тело расслабилось, привыкая к холоду. Перешла на бег. В легкие с силой ворвался свежий воздух, пропитанный запахом дождя. Вылетев со двора, я устремила в лес, прислушиваясь к скрипу травы и листьев под ногами, и вдруг мысли сами по себе вернулись к Ною. Я вспомнила его обескураженный взгляд, когда призналась, что не злюсь. Он будто мне не поверил, но я и вправду не злилась – *не на него*. Я только

хотела сбежать до того, как Ной решит продолжить наш прошлый разговор о Леде Стивенсон и о том, что Эттон-Крик не отпустит меня.

Конечно, мне было любопытно, что именно Ной имел в виду, когда говорил все те вещи. *Может быть, в ту минуту он даже знал о том, что мама умрет и мне придется вернуться в город*, но я не могу маяться ерундой и выяснять, что именно значили его слова. Я решила держаться от этого подальше столько, сколько можно, ведь у меня уже есть задача, которую необходимо решить.

Меня окружили деревья. Они возвышались вокруг плотной стеной, кутаясь в призрачную дымку, и упирались верхушками в небо. У меня голова пошла кругом от их однообразия, поэтому пришлось остановиться и немного отдохнуть. Я уперлась ладонями в колени и прикрыла веки, пытаюсь побороть приступ тошноты.

Досчитав до пяти, почувствовала себя лучше и выпрямилась. Ноги все еще подрагивали, каждая мышца горела огнем, футболка на спине и груди полностью пропиталась потом. Чтобы не остыть слишком быстро, я обернулась и направилась туда, откуда пришла. Оказывается, я успела взобраться на небольшой холм.

Я рассеянно подняла голову к небу. На мгновение увидела, как светит солнце сквозь кроны деревьев, затем оно резко исчезло, скатившись в темноту.

* * *

Спустя какое-то время я открыла глаза и почувствовала, что мир раскололся надвое. Я тут же болезненно зажмурилась и попробовала пошевелиться, но тело застыло. Лицо полностью онемело, я не чувствовала ни щек, ни губ. Вспомнив об ослепляющем свете, я осторожно приоткрыла веки и моргнула. В нескольких сантиметрах от меня сидела белка, и ее маленькие черные глазки неотрывно следили за мной. Когда я пошевелилась, пушистое создание как ветром сдуло.

Тридцать секунд я пыталась принять вертикальное положение, и когда мне удалось подняться, я содрогнулась от холода, коварно пробравшегося под одежду. Оттянув рукав куртки, я посмотрела на часы и вздохнула. Десять утра. Я опоздала, Дориан уже уехал в УЭК без меня.

Я потеряла предплечья, чтобы разогнать по телу кровь, и стала спускаться с холма. Что ж, теперь я хотя бы не слышу неприятного гула в голове, а в глазах не двоится и не печет. А если поспешу, то еще успею в морг.

Когда я бегом добралась до дома и взлетела по ступеням, то слишком поздно вспомнила о Ное. Он поджидал меня в прихожей, сидя на лестнице, и, когда я распахнула дверь, тут же направился ко мне.

– Ты что, уснула в лесу? – удивился он, оглядывая мое лицо. – У тебя помятый вид. Тебе плохо?

Я сняла кроссовки и, бросив их на обувную полку, поспешила на кухню, чтобы скорее вымыть руки. Ной затрусил следом, и я нехотя ответила:

– Нет.

– Тогда почему у тебя листья в волосах?

– Не знаю. – Я быстро вымыла руки, затем взяла с кухонной стойки салфетки и промокнула ладони. – Чего ты от меня хочешь?

Я обернулась, но тут же испуганно подалась назад, не ожидая, что Ной незаметно подкрадется и будет стоять в трех сантиметрах от меня. Будто не заметив моего выражения лица, он со спокойным видом вытащил из моих волос траву и листочки.

– Я хочу поговорить о том, о чем ты не хочешь говорить, – сказал он.

Нет, нет, нет, – заголосил внутренний голос, и я опомнилась и проскользнула мимо. Выбросив салфетки в мусорное ведро, я подошла к плите и поставила чайник, хотя не была

уверена, зачем это делаю – пить не хотелось, да и времени не было. Я смутно понимала, что скорее всего поступаю так от смущения.

– Да, – наконец произнесла я, обернувшись.

– Да – ты согласна? – Ной изогнул брови и скрестил руки, продолжая гипнотизировать меня взглядом. – Может, я плохо тебя знаю, но могу сказать с уверенностью, что ты лжешь.

– «Да» означает, что я не хочу об этом говорить.

Ной лишь улыбнулся.

– Я уже заметил, что ты не особо разговорчива.

В то время как я была напряжена до предела, боясь, что он что-нибудь скажет, невзирая на мое нежелание, он чувствовал себя отлично.

– Если хочешь с кем-нибудь поговорить, заведи друзей, – посоветовала я резче, чем хотела. – Хотя это будет сложно в твоём положении.

– В твоём тоже.

Я уставилась на его удаляющуюся фигуру, не понимая, какое ему до меня дело. И откуда он знает, о чем я думаю?

Обо всем этом я размышляла, пока принимала душ и переодевалась в свежую одежду, и даже когда садилась в мамину машину, ключи от которой отдала мне миссис Нэтвик.

Может быть, Дориан докладывает младшему брату, что я делаю и как веду себя? Нет, это бессмыслица. Ной просто странный, и все – никаких загадок, ничего подозрительного. Не считая моей смерти и последующего оживления. И моей связи с Ледой Стивенсон. Кроме этого, в моей жизни *почти* все нормально.

В маминной машине повсюду был ее запах: акварельные краски и розовое масло. В бардачке валялись фантики от шоколадных конфет, стопка чистых стикеров, сломанные кисточки и высохшие фломастеры.

Если бы мама была жива, я бы выкинула весь мусор, но теперь не могла этого сделать. У меня было стойкое ощущение, что только это от нее и осталось – машина, полная хлама.

Выехав из Коридора Страха, я надавила на газ и с живостью представила мамин голос, наполненный сарказмом: «Как хорошо, что у меня такая рассудительная дочь». Она бы вжалась в сиденье от страха, продолжая ругать за то, что когда я куда-то спешу, то всегда мчусь без оглядки. Я бы сказала, что, может, это и так, но если я мчусь без оглядки, не значит, что я неосторожна. Просто я быстрая. И могу быть еще быстрее. Как всегда.

Въехав на Университетскую улицу, я сбавила газ и остановилась на светофоре. Рядом притормозила синяя «Хонда», и когда я бросила на нее взгляд, наткнулась на две злостные физиономии в боковом окне – подружки Майи Кинг. Я почувствовала, как от лица отхлынула кровь и тут же прильнула к щекам, когда сидящая на пассажирском сиденье девушка что-то мне крикнула и показала средний палец.

Загорелся зеленый, и «Хонда» сорвалась с места. Я тоже утопила педаль и сосредоточилась на дороге, но у меня было нехорошее предчувствие. *Эти девушки думают, что я причастна к убийству Кингов?*

По спине побежали мурашки.

А что, если они не единственные? Что, если так думают все?

– Она ведь недавно переехала, верно?

Внезапно я стала очень и очень популярна и поэтому ничуть не удивилась, услышав, как обо мне сплетничают в женском туалете. Отвлечшись от книги, я подняла голову и посмотрела на дверь кабинки, но сквозь нее, конечно, не смогла никого увидеть. Я продолжила прислушиваться, стараясь никак не выдать своего присутствия.

– Да. Говорят, она племянница нашего красавчика-профессора, можешь в это поверить? Я – нет.

Я выпрямилась на сиденье, вновь похвалив себя за то, что догадалась спрятаться в кабинке. Таким образом я сумею избежать лишних неприятностей. *И здесь не так уж и плохо.* Даже клаустрофобия притупилась, а ведь было время, когда я даже не могла принимать душ.

– Ты вообще ее видела?

Я скрестила руки на груди и нахмурилась.

– Да она вылитый киборг. Видела, как ходит? – Раздались громкие шаги, затем послышался смешок: – По струнке, как в армии.

– Эй, лучше не трогай ее.

– Здесь никого нет.

– Все равно. Лучше не задевай ее. Ты ведь слышала, что случилось с Майей.

Повисло молчание. Я чувствовала себя так, будто сижу на электрическом стуле и жду исполнения приговора.

– А разве не мужчину подозревают?

– А разве эта новенькая не хвасталась, что у нее суперсила? К тому же она из Первого медицинского павильона, так что могла с легкостью расчленить и мистера Кинга, и Майю. Они же в морге постоянно трупов режут.

– Ее с легкостью могли спутать с мужиком.

Голоса удалились, затем и вовсе исчезли. Я устало потерла переносицу, вздыхая. Энергия, которая наполняла меня после утреннего сна в лесу, развеялась без следа, и я стала ошущать себя гораздо хуже.

Перед биохимией, которую вел профессор Джеймис-Ллойд, я направилась в студенческое кафе за дозой сахара, ведь если не выпью таблетку и у меня начнутся конвульсии, эти люди могут решить, что в меня вселился дьявол. К тому же после утреннего разговора с Ноем я решительно настроена найти Леду Стивенсон и обсудить с ней происходящее.

К счастью, кафе находилось недалеко от Главного корпуса. Я стремительным шагом пересекла лужайку и, свернув на аллею, ведущую к зданию, в кого-то врезалась.

– Кая! – Дориан удержал меня за плечо, когда я пошатнулась. – Что с тобой?

Я подняла с земли сумку и вновь надела ее на плечо.

– Прости, я...

– Куда ты пропала? Почему опоздала в морг? Сегодня было интересно. О, у меня кое-что для тебя есть! – Ответив улыбкой на мой взгляд, он нырнул рукой в портфель и достал ярко-красное яблоко. Я удивленно взяла его.

– Это мне?

– Витамины. Мне не нравится цвет твоего лица. – Он бросил многозначительный взгляд на кафе. – Надеюсь, ты закажешь что-то полезное. Все, мне пора на обед с профессором Джеймис-Ллойдом. Хотя лучше бы я выпил литр молока... – сказал он приглушенно, а затем воскликнул: – Встретимся дома!

– Спасибо, – сказала я ему вслед, но он уже не слышал. Я развернулась к кафе и наткнулась взглядом на двух девушек, застывших в дверях. Заметив, что я смотрю на них, подруги переглянулись и нырнули в здание.

Вновь начиная раздражаться и одновременно задаваясь вопросом, слышал ли Дориан обо мне, я поднялась по лестнице, украшенной коваными перилами, и вошла в кафе. Светло, уютно, шумно. На заднем фоне играет ненавязчивая музыка, придавая всему происходящему какое-то очарование. Абсолютно обычная столовая, если бы не раскинувшийся за высоким арочным окном лес.

Народу было, к счастью, много, и никто не смотрел на меня. Я направилась к тумбе с краном, у которой столпилась группа ребят. Когда они ушли, я помыла яблоко, затем вытерла его салфеткой и откусила кусок. Покрутила головой в поисках Леды Стивенсон.

А чего я, собственно, решила, что она будет здесь? Скорее всего она прячется где-то в темном углу, в надежде, что ее никто не заметит.

Никто, кроме меня.

Леда действительно сидела в углу. Я бы сама выбрала это место – ты видишь весь обеденный зал, но никто не видит тебя. Уверена, другие студенты, которые хотят быть в центре внимания, размышляют иначе. За столиком Леды больше никого не было, что меня не удивило – я бы тоже не стала с ней садиться. Эта девушка распространяла вокруг себя какую-то депрессивную ауру, сидела сильно ссутулившись и опустив голову так низко, что я видела лишь ее белую, словно снег, макушку и острые плечи. Интересно, о чем она думает? Наверное, о том, что мир несправедлив к ней. Или надеется, что никто не сядет рядом, вынуждая вести светские беседы.

Я решительно направилась к ее столику, игнорируя косые взгляды тех студентов, которые *все-таки* меня заметили. Леда пока еще меня не замечала. Она склонила голову к коленям, но когда я опустила за ее столик и поздоровалась, она вздрогнула словно от пощечины. Ее глаза, похожие на глаза маленького олененка, загнанного в ловушку, были опухшими то ли от слез, то ли от недосыпания. Как и в моих глазах, в них полопались сосуды.

– Ты меня, наверное, не помнишь... – начала я. *Черта с два она меня не помнит, а даже если бы у нее был склероз, в этом университете меня уже знают все.* – Я хотела...

Леда Стивенсон так резко вскочила, что я отшатнулась, испугавшись. Я не успела и рта раскрыть, как девушка схватила свою сумку, валяющуюся у стула, и бросилась бежать. Черная юбка заплеталась вокруг ее лодыжек, когда она мчалась к выходу, а сумка ударяла по бедру. Я опешила и только через две или три секунды заметила, что ребята за соседними столиками смотрят на меня. Наверное, думают, что Леда умчалась потому, что я ей угрожала. Я отвернулась, вздыхая. Может, нужно было ей мило улыбнуться, чтобы она меня не боялась? Пока я размышляла об этом, за столик плюхнулись двое – те самые девушки из «Хонды».

– Ищешь новую жертву, мисс Тхэквондо?

– Или лучше «Убийца», как тебе больше нравится?

Я окинула их тяжелым взглядом, но ничего не произнесла. Они же действительно расстроены, ведь умерла их подруга. Девушка, сидящая справа от меня, точно зла. У нее такие же глаза, как у Леды. *Как же мне заставить Леду Стивенсон жить, если она меня до смерти боится и даже не желает выслушать?* А может быть, после того неудавшегося раза у нее отпадет желание убивать себя?

– По-моему, она умственно отсталая, – услышала я свистящий шепот одной из девушек и удивилась:

– С чего вы взяли?

Они ошарашенно глянули друг на друга, а я поднялась на ноги, бросив:

– Мне пора, – и направилась к выходу из столовой, лавируя между столиками и продолжая анализировать поведение Леды. Надеюсь, этот инцидент (самоубийство) больше не повторится и я смогу сосредоточиться на маме и ее делах.

Я задумалась и почувствовала облегчение, поэтому случилось то, что случилось: в проходе между столиками мы с кем-то столкнулись, и этот некто выпустил из рук поднос. Почувствовав, как по рубашке и штанам расплзлось что-то влажное, я застыла на месте, до боли зажмурившись и сжав кулаки так, что ногти впились в ладони.

– Прости! – Я встретилась взглядом с незнакомым парнем, который смотрел вроде бы с ужасом, но серые глаза искрились от сдерживаемого смеха. – Прости, – повторил он.

Я медленно осознавала, что мир все еще существует, что музыка все еще играет, что вокруг все еще раздаются голоса и шепотки и с меня все еще капает соус. Я с трудом разжала зубы и спросила:

– Ты это специально сделал?

Странно, но в моем голосе не было и доли той злости, которая бушевала внутри. В висках опасно пульсировало.

– Нет, конечно нет. – Парень очнулся и перестал стоять с открытым ртом. Я заметила, что вермишель заляпала его кожаную куртку. Но большинство, конечно, досталось мне. Его глаза сияли, и он добавил: – Прости, это случайно вышло. Прости. – Я обошла его и направилась в туалет, который стал мне верным убежищем. – Я не специально, прости!

Внезапно я ощутила, что жжет глаза.

Все дело в этих мелочах. Они выводят из себя, давят на виски, заставляют чувствовать себя немощной. Это из-за людей, которые считают меня убийцей, это из-за Леды Стивенсон и ее поведения.

Я не должна была помогать ей, потому что человек учится на своих ошибках, и со временем Леда научилась бы защищать себя.

Меня осенило. А что, если кто-то из жертв Майи Кинг именно это и сделал – научился себя защищать? Может, какая-нибудь беззащитная девушка вроде Леды Стивенсон внезапно осмелела и решила отомстить?

В это я могу поверить с легкостью, ведь жертвы насилия – самые жестокие люди.

Глава V

Как правильно заводить друзей

Испорченный свитер я бросила в машине. Оставшись в одной рубашке, я сунула руки под мышки и бегом помчалась в третий корпус на биохимию. В воздухе стоял тяжелый аромат леса, солнце куда-то подевалось, начался дождь. Мерзкие дождевые капли проникали в кожу, тело покрылось мурашками.

Перед дверью аудитории я приказала скованным мышцам расслабиться и расправила плечи. Холод не отступал, поэтому пришлось подождать несколько секунд и только после войти. Аудитория была полупустой. Я выбрала третий стол в среднем ряду и, подозревая, что никто не осмелится сесть рядом, достала мамин ежедневник, собираясь внимательно просмотреть каждую страницу.

– Привет, Злая девчонка! – Я положила на ежедневник обе руки и подняла голову, на секунду усомнившись, что обращаются ко мне. Темно-серый свитер, глаза стального цвета, растрепанные темно-каштановые волосы. – Ты что, не помнишь меня? – Парень улыбнулся.

– Привет. – Я подвинулась на скамье, потому что незнакомец бросил на стол свою книгу, давая понять, что намерен сесть рядом. Он тут же плюхнулся на освободившееся место, а я захлопнула мамин ежедневник и скрестила руки на груди.

– Я тебя раньше здесь не видел. – Я перевела взгляд на незнакомца, стараясь не хмуриться. – Что? – Он смутился.

– Ничего, – ответила я, но взгляд не отвела. Надеюсь, он догадается, что я не собираюсь болтать, и оставит меня в покое. Хотя он выглядел вполне безобидным: добрый взгляд, каштановые волосы, влажные от дождя, завились на концах, грязная куртка куда-то подевалась. На шее татуировка на латыни.

– Меня зовут Аспен, – представился он, не выдержав моего изучающего взгляда. Я ответила, что мне приятно познакомиться, и полезла в сумку за тетрадь, потому что видела, что Аспен хотел сказать что-то еще.

– Малышка! – вдруг воскликнул он над моей головой, и я услышала в его голосе искреннее облегчение. Отвлечшись от тетради, я увидела красивую девушку, подошедшую к нашему столу. Первое, на что я обратила внимание, ее худоба и изящество, тонкие ладони, сложенные внизу живота друг на друга, аккуратные ногти, покрытые бесцветным лаком. Волосы у нее были светлее, чем у Аспена.

– Я же просила не называть меня так, – прошипела она, многозначительно глядя на Аспена. Затем она обратилась ко мне, приветливо улыбнувшись: – Меня зовут Сьюзен.

– Привет, – отозвалась я эхом и как в замедленной съемке подвинулась, чтобы она могла сесть рядом. Сьюзен показалась мне знакомой, и это выбило меня из колеи. Я удивленно подумала: с чего им обоим вздумалось сесть со мной? Или, может, это я сижу на их месте?

– Не ожидал, что ты придешь, – с очевидным притворством произнес Аспен, обращаясь к своей подруге. Я поправила пропуск на шее и скрестила руки на груди, осматривая аудиторию, и едва не подскочила на месте от удивления, заметив Леду Стивенсон. Перепутать ее с кем-то другим было практически невозможно – белая макушка ярким пятном выделялась на фоне других студентов. Леда Стивенсон плелась посреди потока, глядя то себе под ноги, то вверх, в поисках свободного места. Она старалась не крутить головой по сторонам, будто думала, что если не будет ни на кого смотреть, ее никто не заметит, поэтому *она* не заметила *меня*.

Я возбужденно повернулась к Аспену, собираясь поинтересоваться, не знает ли он, с какого факультета Леда Стивенсон, но влезть в их со Сьюзен разговор было невозможно. Она откинула волнистые волосы за спину и с сарказмом произнесла:

– Ну да, ведь это не ты приковал меня к себе.

– Аминь, – парировал Аспен. Я видела лишь его затылок, но голос говорил о том, что парень сильно рассержен. – Ты могла бы остаться дома, а не шататься по кампусу...

Я глянула в проход между рядами как раз вовремя, чтобы увидеть, как мимо промчалась Леда Стивенсон, быстро перебирая ногами. Я почти испугалась, но тут же взяла себя в руки и с тяжелым предчувствием продолжила смотреть, как она поднимается вверх.

– Аспен, т-ш-ш! – зашипела Сьюзен. Я отвернулась от Леды и заметила, что в аудиторию вошел профессор. Аспен откинулся на сиденье, а Сьюзен склонилась вперед, шепотом спрашивая у меня:

– Как тебя зовут?

– Это Кая Айрленд с Первого медицинского павильона, – раздраженным тоном представил меня Аспен. Я покрутила карандаш между пальцев, с удивлением услышав от него: – Я опрокинул на нее свой скудный обед, и она решила, что это специально.

– Зная тебя, это неудивительно, – хихикнула Сьюзен, вновь напомнив мне прошлое. Я поежилась и наклонилась к тетради, чтобы записать сегодняшнее число. Кого же эта девушка мне напоминает?

– Сьюзен, не унижай меня перед новой знакомой. Может, она моя будущая девушка.

Я отвлеклась от записи лекции, удивленно обернувшись.

– А разве вы не вместе?

Они переглянулись и синхронно помотали головами.

– Мы друзья, – пояснил Аспен, улыбаясь, отчего на щеках выступили ямочки.

– Лучшие друзья, – уточнила Сьюзен, сияя белозубой улыбкой.

Я не нашлась что ответить, просто кивнула и сосредоточилась на профессоре и его монотонном голосе. Несколько минут прошли в относительном спокойствии, пока я не почувствовала, как мне в спину упирается чей-то настойчивый взгляд. Я обернулась, и Леда Стивенсон тут же опустила голову. *Ведет себя, словно всерьез считает, что я убийца.*

– Не обращай внимания, – посоветовала Сьюзен, вдруг коснувшись пальцами моей ладони. Не в силах сдержаться, я вновь обернулась, но теперь встретилась глазами не с Ледой Стивенсон, а с другой девушкой, которая не отвернулась, а продолжила смотреть в мое лицо с холодной отстраненностью. Мне понадобилось долгих пять секунд, чтобы узнать девушку с пирсингом из женского туалета. Вне общества своих подруг она выглядела совсем иначе.

Я вспомнила, как мы подрались, как я придавила ботинком ее волосы. Я тогда наклонилась пониже и так, чтобы слышно было только ей, пообещала порезать ее скальпелем.

От этого воспоминания меня сковал мороз, я отвернулась.

Кира Джеймис-Ллойд.

Неудивительно, что она так уставилась на меня.

– Просто игнорируй, – вдруг услышала я шепот Аспена. Он наклонился ко мне, коснулся теплым дыханием моих волос. – Делай вид, что этого не происходит.

О чем он говорит? Не замечать взглядов? Не замечать испуга Леды Стивенсон? Не обращать внимания на то, что из-за нее я умерла? Не замечать того, что все думают, что я – убийца? Казалось, Аспен имел в виду все вместе.

Он наклонился еще ниже и с придыханием произнес:

– Делай вид, что не замечаешь. Отец Леды недавно погиб.

Не поверив своим ушам, я повернулась в его сторону, отчего мы столкнулись под столом коленями.

– Ее отец погиб?

Он кивнул.

– Когда?

– Точно не уверен.

Сьюзен бросила на нас взгляд, но тут же вернулась к своей книге. Мое сердце забилося быстрее, и я почувствовала, что должна что-то сказать.

Он в курсе того, что случилось в туалете, это я поняла по глазам. Вот только в отличие от тех, кто исподтишка косился на меня, Аспен смотрел открытым взглядом. Может быть, именно по этой причине он вызывал доверие.

– Она меня боится, – сказала я. – Скорее всего, думает, что это я напала на Майю и ее отца.

– Ну, уж это точно невозможно, – сказал Аспен, отвернувшись. У меня возникло неприятное ощущение, будто я как-то обидела его, но уточнять не стала. Еще несколько секунд понаблюдав за ним, я отвернулась.

Аспен говорил с такой уверенностью, словно знает, кто именно сделал это. Внутри меня разлилось приятное тепло. Я снова покрутила между пальцев карандаш, вспоминая его слова о Леде Стивенсон. Ее отец погиб, моя мама тоже погибла...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.